

Музей алтайского марала

Н. А. Фролов

**Дело
КОПЫЛОВЫХ**

Бийск–2020

УДК 94.636.2.294.(571.150)
ББК 63.3(2Рос - 4Алт)
Ф 91

Фролов Н. А.

Ф 91 Дело Копыловых: Н. А. Фролов. — Бийск: 2020. — 68 с, ил.

Данная работа посвящена бийчанам П. А. Копылову и А. П. Копылову, которые создавали историю Бийска в конце XIX — начале XX веков. Содержание очерка восполняет пробелы в истории известной краеведам и жителям города семьи Копыловых. Надеемся, материалы нашего исследования будут полезны и поучительны не только для бийчан, но и для всех жителей Алтая.

УДК 94.636.2.294.(571.150)
ББК 63.3(2Рос - 4Алт)

От автора

На личность бийчанина Павла Андреевича Копылова, активно участвовавшего в торговле пантами в конце XIX — начале XX веков, я обратил внимание, ещё работая в 2014 году над книгой «У истоков пантового оленеводства России», и написал о нём, но достаточно поверхностно. Пять лет спустя я более внимательно изучил имеющиеся материалы о Копыловых и увидел, что о Павле Андреевиче известно очень мало. Об Антоне Петровиче Копылове написано больше, но встречается слишком много нестыковок.

В основу описания истории этих личностей были положены воспоминания, а не архивные данные (за исключением материалов В. А. Шнайдера). После сбора дополнительных архивных данных я почувствовал, что есть возможность более глубоко и исторически обоснованно рассказать об удивительной судьбе этих людей, их огромном вкладе в развитие города Бийска, переоценить который невозможно даже теперь, сто лет спустя. Более того, только сейчас, по истечении целого века, историческая память об этих людях становится по-настоящему актуальной и востребованной у бийчан.

Материал написан, что называется, на одном дыхании, потому что была возможность опереться на исследования В. А. Шнайдера, публикации Б. Х. Кадикова, архивные материалы ГААК и Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки, воспоминания Е. Г. Гнедковой, вдохновиться этими работами. В тексте я постарался не забыть назвать фамилии конкретных людей, которые своими данными позволили сделать работу более законченной. Особенно отмечу бескорыстную помощь в поиске архивных материалов о семье Копыловых сотрудника Бийского краеведческого музея К. В. Ярославцева.

В ходе работы над текстом меня просто переполняло чувство гордости за героев очерка. У меня нет никаких сомнений в том, что генетическая информация от Копыловых, Морозовых, Осиповых, Ассановых, Васенёвых, Прибытковых и многих других бийчан тех поколений не утеряна до конца, и в настоящем и будущем проявится ещё немало личностей, которыми будет гордиться город Бийск.

Уверен, что читатели правильно поймут, почему мне захотелось назвать эту работу «Дело Копыловых».

СЕМЬЯ КОПЫЛОВЫХ

Расследование истории семьи Копыловых я начну с факта, установленного алтайским краеведом В. А. Шнайдером на основании архивных данных: никто из семьи Копыловых в Бийске не родился. Правда, Владимир Александрович пишет, что в Бийске родился в 1839 году Павел Андреевич Копылов, но ссылается при этом не на архивные данные, а на информацию из альманаха «Краеведческий вестник» (№ 5 за 1997 год) Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки. Однако в этом номере «Краеведческого вестника» Б. Х. Кадиков в статье «Бийские меценаты Копыловы» упоминает только, что семья Копыловых жила в Бийске.

Значит, семья переехала в Бийск, когда уже все дети появились на свет, но откуда и когда? Обратим внимание на воспоминания родственницы Копыловых, Е. Г. Гнедковой (Сенгалевич), которая пишет о семье так: «Надо начинать с прадеда: Андрей Копылов — атаман казачьих войск — приехал в Сибирь в конце 18-го века и был начальником крепостей. Одна из них была при слиянии Бии с Катунью — Бийская. В Томске имел трёх сыновей» [78, с. 150].

В. А. Шнайдеру удалось обнаружить в метрических книгах Бийска дату смерти Копылова Андрея Васильевича — 16 августа 1869 года. Он скончался от водянки в возрасте 76 лет [122]. Однако на сохранившемся памятнике указано, что Андрей Васильевич скончался в 1869 году на 72 году жизни. Если данные на памятнике считать верными, то родился он в 1797 году и скончался в 1869 году, будучи 72-летним. Это и есть глава семьи Копыловых.

По данным К. В. Ярославцева, первый раз в архивных документах Андрей Васильевич упоминается 11 января 1827 года в качестве секретаря окружного суда в г. Чарыш Томской губернии [88]. Уже 11 декабря 1828 года, через одиннадцать месяцев, А. В. Копылов в возрасте 35 лет служит губернским секретарём, секретарём окружного суда в г. Бийске [89]. На 7 декабря 1829 года он продолжает занимать эту же должность [90]. С 1830 по 1847 годы фамилия А. В. Копылова исчезает из архивных документов Томской губернии. Нет его на должностях и в других субъектах Сибири. Из воспоминаний Е. Г. Гнедковой следует, что А. В. Копылов переехал на службу в Томск и там был атаманом казачьих войск и начальником крепостей. Следовало проверить эту версию, какой бы невероятной она ни казалась.

Из работы С. Ю. Исупова «Крепость Бийская есть главная» известно, что к концу 1770-х годов в Бийской крепости находился штаб наказного атамана линейных казаков [81, с. 83]. В начале XIX века «конные и пешие казаки составляли гарнизоны всех сибирских городов и широко

использовались на различных административных работах: от сбора ясака до почты и ремонта дорог» [81, с. 86]. В Бийске штабной центр линейной казачьей бригады из двух полков сохранялся до лета 1848 года.

Оказывается, что бийские казаки находились в составе Томского городского казачьего полка, который подчинялся до 1861 года Министерству внутренних дел, но в ходе реформы 1861 года его включили в состав Сибирского казачьего войска. Офицеры и казаки упраздняемых частей, желавшие остаться в Сибирском войске, должны были переселиться в другие полковые округа с денежным пособием от правительства [6].

Можно было предположить, что именно в результате этой реформы 1861 года семья Андрея Васильевича Копылова вновь переехала в Бийск, но данные К. В. Ярославцева опровергли эту версию. В архиве Томска есть сведения о том, что титулярный советник Копылов Андрей находился в Бийске уже 1 июня 1858 года [73]. В этом же архивном деле Копылов Андрей Васильевич на 14 августа 1858 года упоминается как уволенный со службы титулярный советник в Бийске [74]. Когда этот текст был практически готов к публикации, К. В. Ярославцев передал мне архивные данные о том, что уже на 2 марта 1847 года отставной титулярный советник Копылов Андрей Васильевич проживал в Бийске со своей женой Еленой Мироновой [72].

А. В. Копылов мог переехать из Томска в Бийск просто по выслуге лет. Такую версию в разговоре со мной поддержал известный специалист по истории г. Бийска С. Ю. Исупов. Он писал, ссылаясь на Ю. А. Гагемейстера, что значительная часть военных, выйдя в отставку, оставалась здесь на жительство и переходила в разряд местных мещан. Ю. А. Гагемейстер отмечал дешевизну Бийска для проживания отставных военных чинов и их семейств [104].

Ещё одну информацию мы находим у В. А. Шнайдера, который, изучая сведения о дочери А. В. Копылова Марии, обнаружил запись в метрической книге о том, что 1 мая 1863 года бракосочеталась 19-летняя Мария Андреевна Копылова, дочь «уволненного от службы титулярного советника Андрея Васильевича Копылова» [7]. Значит, Андрей Васильевич Копылов второй раз с семьей оказался в Бийске не позднее марта 1847 года как уволенный со службы титулярный советник. Причины увольнения окончательно не известны, но, скорее всего, по возрасту, так как в 1847 году ему было уже 50 лет. Где и кем он служил целых 17 лет, пока установить не удалось.

Итак, главой семейства Копыловых в городе Бийске был отставной титулярный советник Андрей Васильевич Копылов 1797 года рождения, скончавшийся в 1869 году и похороненный на городском Воскресенском кладбище Бийска.

О членах семьи Андрея Васильевича Копылова известно мало. Е. Г. Гнедкова вспоминает, что в г. Томске он имел трёх сыновей, Петра, Павла, Илью, и дочь Марию. «Старший сын Пётр, — сообщает она, — дослужился тоже до атамана. Женился на очень молоденькой девушке, которая умерла при родах, оставив сына Антона. Спустя какое-то время женился вторично, родилась дочь Леонтина, и вскоре умер сам» [78, с. 150]. Известно, что Антон родился в 1858 году. Краевед Б. Х. Кадиков пишет, что брат Павла Андреевича — Пётр Андреевич Копылов — жил в Бийске недолго. Он женился и уехал в Омск [82].

Архивные документы очень мало предоставляют нам информации о жизни Петра Андреевича. Хронологически первый раз Пётр Андреевич Копылов в архивах упоминается 24 октября 1847 года, как канцелярский служащий Бийского окружного казначейства [135], затем 4 июля 1860 года как губернский секретарь, бухгалтер Семипалатинского окружного казначейства. С 24 апреля 1859 года он является коллежским секретарём [112]. В августе 1864 года он продолжает оставаться бухгалтером казначейства и с апреля 1862 года является уже титулярным советником. В документах 1866 года мы находим его титулярным советником, землестроителем Барнаульского окружного казначейства [88]. Однако в этом же году он уже значится барнаульским окружным казначеем [108]. С 1867 года данных о П. А. Копылове больше пока не найдено. Возможно, в 1867 году он скончался, что в какой-то степени соответствует воспоминаниям Е. Г. Гнедковой. Единственным сыном Петра Андреевича является интересующий нас далее Антон Петрович Копылов.

Следующим сыном в семье Копыловых, скорее всего, был Николай Андреевич Копылов. В. А. Шнайдер пишет, что, по данным архива города Бийска, скончался он 17 февраля 1873 года от горячки в возрасте 34 лет, будучи отставным коллежским регистратором [122, с. 76]. Эта информация соответствует надписи на сохранившейся части памятника Николаю Андреевичу. Значит, родился он в 1838 году. О Н. А. Копылове известно очень мало. Так, на 1 июня 1858 года он являлся канцелярским служителем Бийского окружного казначейства [73].

В 1861 году Н. А. Копылов крестил в Успенском храме дочь мещанина Еремеева; в феврале 1864 года являлся свидетелем со стороны невесты при венчании Анны Алексеевны Гилёвой с А. Ф. Сосновским; в октябре этого же года вновь был свидетелем при венчании Носовых. В августе 1864 года он оставался канцелярским служителем казначейства города Бийска и с 23 сентября 1861 года носил чин коллежского регистратора [115]. Через два года, 1 июня 1866 года, коллежский регистратор Н. А. Копылов был уволен из казначейства, согласно его прошению по домашним обстоятельствам [110]. Возможно, с 1866 по 1873 годы он был нетрудоспособен.

Третий сын — Павел Андреевич Копылов — также родился не в Бийске. Дату его рождения возьмём из информации В. А. Шнайдера: «В 1900 году доход Павла Андреевича, как записано в книге учёта доходов, составил 3000 руб. Возраста он был 61 года» [122, с. 73]. Следовательно, Павел Андреевич, скорее всего, родился в 1839 году. На 20 февраля 1862 года он носил чин коллежского регистратора и являлся канцелярским служителем Семипалатинского окружного казначейства [109]. Через год, 17 января 1863 года, он состоял в этом же казначействе в должности журналиста [107]. С 20 января 1866 года Павел Андреевич был определен помощником бухгалтера этого ведомства [106].

Далее, 12 ноября 1866 года, губернский секретарь, помощник бухгалтера П. А. Копылов, по его прошению, был переведён из Семипалатинского казначейства в штат Томской казённой палаты [117]. Почти сразу же, 2 декабря 1866 года, он был назначен помощником бухгалтера Бийского окружного казначейства [118].

Удивительно, но уже 20 декабря 1866 года П. А. Копылов был переведён из Бийского казначейства на место помощника бухгалтера Томской казённой палаты [105]. Здесь он получил чин коллежского секретаря, а 13 декабря 1868 года стал бухгалтером уже Томского губернского казначейства [119]. В июле 1870 года ему присвоили чин титулярного советника. Однако через год, 7 августа 1871 года, согласно прошения, он был уволен со службы из-за расстроенного здоровья [114]. Видимо, вскоре 32-летний Павел Андреевич Копылов переехал на жительство в Бийск, где в окружном казначействе бухгалтером служил его родной брат, Иван Андреевич Копылов.

Е. Г. Гнедкова утверждает, что третьим братом в семье был Илья Андреевич, который рано умер от туберкулёза, оставив дочь Клёну Ильинишну, которую воспитывала Мария Андреевна [78, с. 150]. Эту информацию пока не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, но если у А. В. Копылова и был сын Илья Андреевич, то скончался он в молодом возрасте и в Бийске не жил.

В архивном документе Томской области есть запись, что у отставного титулярного советника Андрея Васильевича Копылова на 1 июня 1858 года в Бийске была дочь Мария — девица [73].

Краевед В. А. Шнайдер обнаружил документы о том, что в большой семье Копыловых в 1844 году родилась единственная дочь Мария Андреевна Копылова, которая в возрасте 19 лет в 1863 году вышла замуж за 22-летнего купеческого сына Тимофея Мануиловича Фадеева [7]. Е. Г. Гнедкова также вспоминает, что в семье была дочь Мария, одинока, как и брат Павел, и жила с ним в одном доме [78, с. 150]. Возможно, Мария

Копылова (Фадеева) рано овдовела и после этого перешла жить в дом брата Павла Андреевича Копылова, который не имел своей семьи.

В семье Копыловых был ещё один сын — Иван Андреевич. По нескольким архивным материалам можно сделать уверенный вывод, что родился он в 1845 году в семье обер-офицера. Воспитание получил в Семипалатинском уездном училище, где «окончил полный курс наук». В 1860 году стал работать письмоводителем в канцелярии Семипалатинского военного губернатора. Затем был перемещён в штат канцелярии Томского губернского прокурора. С 20 декабря 1866 года Иван Андреевич Копылов стал служить помощником бухгалтера Бийского казначейства. В 1870 году он был уже коллежским регистратором в возрасте 24 лет с жалованьем (жалование — 300 руб. и столовые расходы — 100 руб.) в 400 руб. в год [46].

В мае 1872 года бухгалтер Бийского окружного казначейства И. А. Копылов произведён в коллежские асессоры [116]. В 1875 года титулярный советник Иван Андреевич Копылов в 29 лет служит бухгалтером Бийского окружного казначейства, холост, получает 700 руб. общего жалованья в год [47].

Иван Андреевич в августе 1869 года стал крёстным отцом дочери Мефодия Алексеевича Гилёва. В 1872 году он, будучи губернским секретарём и бухгалтером казначейства, «воспринимал» ещё одну дочь М. А. Гилёва. Скорее всего, семьи Копыловых и Гилёвых были в хороших отношениях [122, с. 73].

С 1876 года в адрес-календарях общей росписи начальствующих и должностных лиц в Российской империи он значится как стряпчий Бийского окружного казначейства [2]. Однако уже в 1877 году он становится окружным казначеем города Бийска [3]. На 1879 год он имеет чин коллежского асессора. В архивных документах на 10 декабря 1883 года он продолжает быть окружным казначеем Бийска, но уже в чине надворного советника [2].

В 1891 году Иван Андреевич Копылов продолжает служить казначеем Бийского окружного казначейства, имеет общее жалованье в 1200 руб. За успехи в работе награждён орденом Св. Станислава III степени и орденом Св. Анны III степени. Ему 46 лет, холост [45]. Скончался Иван Андреевич 19 мая 1892 года в возрасте 47 лет [122, с. 72].

Известно, что (ул. Александровская, д. 314) в Заречной части города у Ивана Андреевича был деревянный дом с оценочной стоимостью 300 руб. и продажной стоимостью — 2600 руб. [122]. В раскладной ведомости Бийской городской управы по налогу на недвижимое имущество в 1895 году, то есть через три года после смерти Ивана Андреевича, за ним всё ещё числились дом с флигелем и амбар с «завозной», где были лошадь и корова [31]. Видимо, оформление наследства длилось долго. Это подтвержда-

ется данными краеведа К. В. Ярославцева. Только 5 июня 1895 года Бийский окружной суд совершил отдельный акт движимого и недвижимого имущества, денег и ценных бумаг, оставленных И. А. Копыловым, между двумя его наследниками: брату Павлу Андреевичу Копылову досталось всё недвижимое имущество покойного и ценные бумаги на 4452 руб., а племяннику — Антону Петровичу Копылову — по взаимному согласию достались ценные бумаги на 5753 руб. [111]

В заключение приведу ещё одну информацию о Копылове Иване Андреевиче, которую сообщают нам А. В. Старцев, С. Ю. Исупов и др.: «Первая попытка создания публичной библиотеки была предпринята чиновником Бийского окружного казначейства И. А. Копыловым в 1877 году. Средства на библиотеку были изысканы на основе подписки горожан и сборов, полученных от культурно-просветительской и концертной деятельности. Полученная сумма — 300 руб. — была направлена на покупку книг... Часть средств для библиотеки выделило казначейство» [104, с. 203]. Это, безусловно, характеризует его как образованного, интеллигентного человека и влиятельного чиновника.

На основании собранных данных можно с высокой долей вероятности утверждать, что состав большой семьи Копыловых выглядел следующим образом: см. рисунок.

Попробуем теперь ещё раз вернуться к вопросу появления семьи Копыловых в Бийске. Известно, что после 1822 года Бийскую крепость сняли с военного бюджета. С 1827 года Бийск окончательно утвердился как уездный центр Томской губернии [104, с. 86]. Из бывшего уездного города Чарыш в уездный город Бийск служить секретарём окружного суда и приехал в 1828 году Андрей Васильевич Копылов.

Читатель уже обратил внимание, что дети А. В. Копылова Пётр, Николай, Павел и Иван начинали свою службу в Семипалатинске. Об Иване известно, что он из семьи обер-офицера. Отсюда просится вывод, что с 1830 года Андрей Васильевич служил в Семипалатинске на обер-офицерских должностях. Здесь же родились все его дети.

Семипалатинск с 1822 года являлся окружным городом Томской губернии. В 1825 году здесь было всего 5849 жителей. В 1838 году его присоединили к Бийскому уезду. Это был город-крепость с большим количеством казачьих частей Сибирского казачьего войска. Однако город активно развивался в первой половине XIX века и как торговый центр, в котором первые 54 азиатских купца с семьями поселились ещё в 1830 году. Число жителей Семипалатинска в 1854 году составило 1864 человека, в 1863 году было уже 2688 человек. С 1854 года Семипалатинск стал областным центром одноименной области, во главе которой стоял военный губернатор.

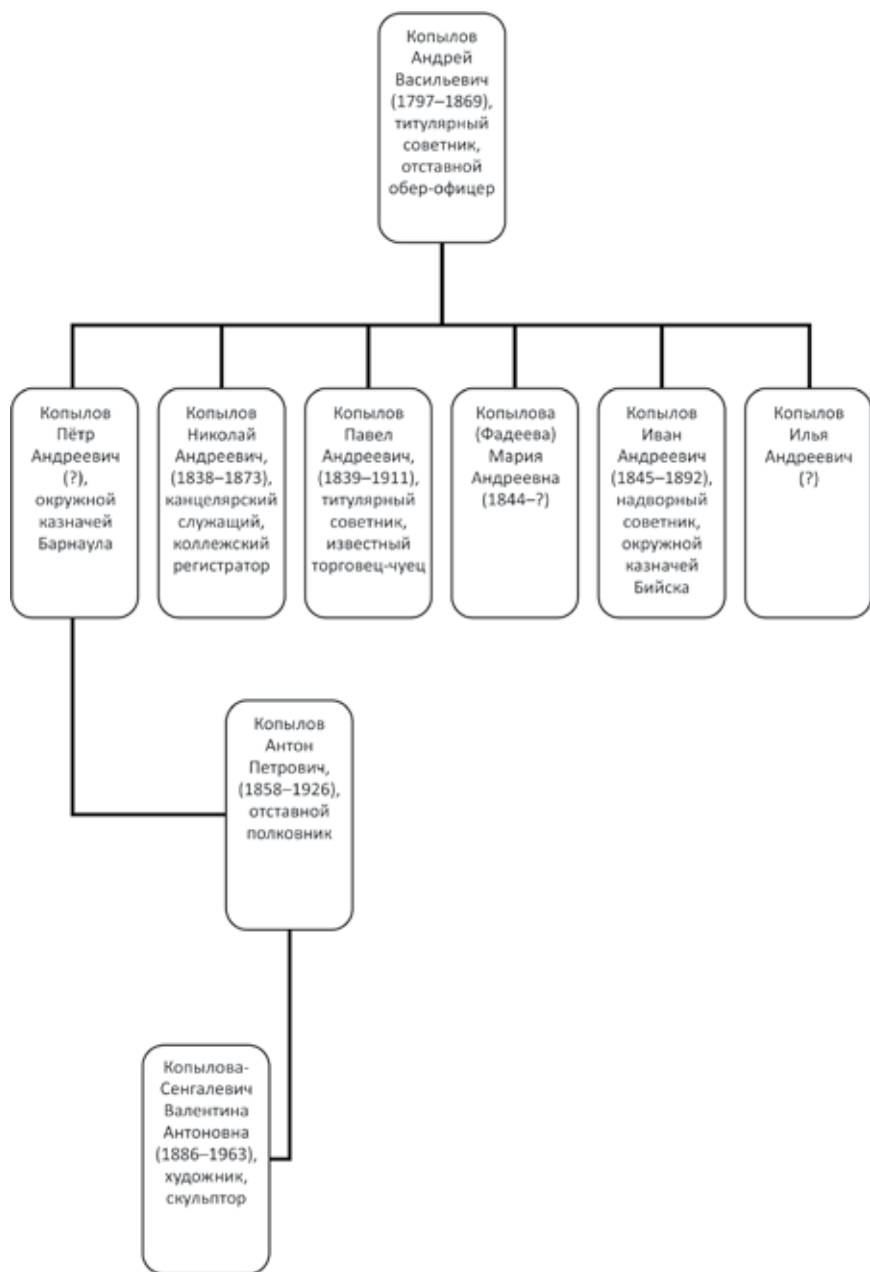

Рис. Схема родословной семьи Копыловых

В этом городе с 1830 года и протекала служба Андрея Васильевича Копылова на обер-офицерских должностях, здесь росла его семья. Возможно, он служил и в казачьих частях. Также возможно, что к концу службы семья Копыловых оказалась на какое-то время в Томске, что отражено в воспоминаниях Е. Г. Гнедковой, правнучки А. В. Копылова. Однако в 1847 году Андрей Васильевич с семьёй, уйдя в отставку, вновь переехал в Бийск.

Бийск в эти годы активно развивается, постепенно и необратимо из военно-административного центра преобразуясь в торговый город. По меткому заявлению историков, он «меняет свой военный мундир на «партикулярный» чиновничий сюртук и дорогой купеческий кафтан» [104, с. 91]. В 1848 году в Бийске торговало 55 местных и 26 иногородних купцов. В городе работала 31 торговая лавка. В 1855 году была учреждена Екатерининская городская ярмарка. Если в 1855 году объявленный торговый капитал в Бийске составлял 88,8 тыс. руб., то к 1861 году он увеличился до 176,4 тыс. руб. [104, с. 112]. Известный учёный В. В. Радлов, посетивший Бийск в 1860 году, отмечал в своём путевом дневнике малолюдность и неустроенность города при одновременном развитии торговли и состоятельности местного купечества.

После отмены крепостного права в 1861 году и разрешения в 1865 году жителям России переселяться на незанятые кабинетские земли Алтая Бийский округ стал очень привлекательным местом для крестьян и мещан Европейской России. Постепенно менялась структура населения города (таблица 1).

Таблица 1

Сословный состав населения Бийска в 1864 году [104, с. 119]

Сословие	Количество жителей	% от общего числа
1. Дворяне и чиновники	210	4,0
2. Духовные лица	41	0,8
3. Купцы и почётные граждане	584	11,2
4. Мещане	2178	41,2
5. Военные	321	6,2
6. Крестьяне	490	9,3
7. Прочие	1428	27,3
Итого	5252	100

Среди этих бийчан нашлось достойное место и семье Копыловых, которые стали принимать своё посильное участие в развитии нашего города.

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ КОПЫЛОВ

Теперь сосредоточимся на истории жизни третьего сына в семье Копыловых — Павла Андреевича Копылова — и его племянника Антона Петровича Копылова, которых в памяти бийчан объединила одна сюжетная линия на многие поколения вперед.

Мы уже знаем, что Павел Андреевич Копылов родился в 1839 году в Семипалатинске. Там же он получил начальное образование. Скорее всего, это была церковно-приходская школа. Павел Андреевич, кстати, обладал красивым разборчивым почерком. После переезда в 1871 году в город Бийск Павел Андреевич, возможно, поселился в доме отца, являясь уже отставным чиновником. Состояние его здоровья или другие причины стали предпосылкой для ухода со службы — мы не знаем, да это и не принципиально для нашего дальнейшего расследования.

В 1860-е годы Бийск всё ещё оставался военно-административным городом с большим количеством чиновников (Таблица 1). Роль их в жизни города была определяющей. Уже появившееся купечество и, тем более, мещане никакой заметной роли в управлении города не играли. По мнению русского публициста И. Л. Солоневича, в эти годы стараниями писателей, в том числе таких известных, как А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, появляющиеся предприниматели изображались в основном хищниками, пьющими народную кровь.

Чиновника того времени кормило, по словам И. Л. Солоневича, государственное регулирование, «частная инициатива» была ему чуждой, непонятной и отвратительной. Чиновник изобретал инструкцию или препону — частник пытался её обойти: в чиновничьем воображении он восставал как хронический правонарушитель, как антисоциальный элемент, как антигосударственная стихия [102]. Скорее всего, такие же в целом взаимоотношения между чиновниками и предпринимателями были и в провинциальном Бийске.

Теперь мы знаем точно, в каком ведомстве служил в 60-е годы XIX в. наш герой П. А. Копылов. Звание его — титулярный советник — в архивных документах позволяет положительно судить о его знаниях, навыках и других достоинствах, позволивших добиться определенных успехов на государственной службе. В Табеле о рангах Российской империи титулярный советник — это гражданский чин IX класса. В 1842 году, например, годовой оклад его равнялся 262 руб. ассигнациями, то есть около 23 руб. в месяц. В 1860-е годы этот оклад вряд ли был намного больше. С 1845 года этот чин давал личное дворянство.

Павел Андреевич Копылов в Семипалатинском и Бийском окружных казначействах, Томской казенной палате в общей сложности прослужил девять лет. Бийское окружное казначейство, как и прочие, входило в систему Министерства финансов. Казначейство занималось сбором налогов и различными выплатами. В его функции входили: сбор налогов с купцов за переход из гильдии в гильдию, за вступление в гильдейское купечество мещан и крестьян, за право вести торговлю; сбор налогов с крестьян, отправлявшихся на заработки и промыслы.

Волостные правления присылали в казначейство списки крестьян с указанием уплаты налогов, места их постоянного проживания и данные, на какие прииски они уволены; отвечали за расчёты с содержателями почтовых станций. Казначейство вело учёт числа лошадей на каждой станции и выплачивало, согласно договорам, деньги купцам, мещанам или крестьянам, которые содержали почтовых лошадей на станциях; вело расчёты с врачебными учреждениями. Казначейство выдавало врачам и их помощникам деньги на поездки в различные селения для освидетельствования умерших, либо по другим надобностям; несло ответственность за расчёты с причтами. Казначейство выплачивало денежные средства служителям церкви, вело расчёты по зарплате чиновников округа. Также вело расчёты с чиновниками самого казначейства, окружного суда, земского суда, городской полиции, прокурорской части, земельной части и медицинской части. Основной проблемой казначейства были недоимки по платежам. Понятно, что чиновники казначейства были очень информированными и влиятельными людьми в городе. В Бийске даже один из переулков назывался Казначейским. На этом общем историческом фоне, казалось бы, удивительным является то, что П. А. Копылов в 1871 году принял решение уволиться с государственной службы.

После смерти отца в 1869 году П. А. Копылову исполнилось уже 30 лет, и, скорее всего, карьера его чиновничьей линии стала просматриваться туманно. По закону 1870 года в российских городах начала вводиться новая форма самоуправления: городская дума и городская управа. Так как Бийск был на кабинетных землях, то городское положение здесь внедрялось несколько медленнее, но к 1871 году уже стало ясно, что статус чиновника неизбежно будет снижаться [104, с. 167]. Низкая оплата труда чиновника также не могла не огорчать Павла Андреевича. Однако он, в отличие от абсолютного большинства своих коллег, не видел в предпринимательстве враждебной силы, но, наоборот, стал внимательно присматриваться к тому, чем и как они зарабатывают на жизнь.

Этому способствовали и хорошие отношения семьи Копыловых с семьёй купцов Гилёвых, которые во второй половине XIX века были одними из самых успешных предпринимателей в Бийске. Гилёва Дарья

Никитична (1798–1878) уже в 1859 году открыла самое крупное в городе предприятие по выделке кож. В 1872 году на этом заводике обрабатывалось до 2000 кож в год. Было у неё в городе несколько торговых лавок. Сыновьями Д. Н. Гилёвой являлись Василий Алексеевич Гилёв (1830–1890) и Мефодий Алексеевич Гилёв (1838–1891). Вначале в 1850-60-х годах они совместными усилиями активно вели приграничную торговлю с подданными Китая в селении Кош-Агач и настолько удачно, что в 1861 году В. А. Гилёв за свои средства построил в Бийске здание первого в городе Владимирского женского училища и содержал его до 1865 года [122, с. 48]. Внутренний рынок Горного Алтая оказался недостаточно ёмким для многочисленных торговцев-бийчан, они активно стремились попасть на рынки Северо-Западной Монголии.

В 1864 году группа торговцев во главе с бийским купцом В. А. Гилёвым в сопровождении капитана генерального штаба А. Г. Принца совершила поездку в монгольский город Кобдо «с целью испытать возможность завести без формальных дипломатических переговоров торговлю с Китаем» [104, с. 142]. К середине 1870-х годов в Кобдо уже существовали восемь русских лавок и четыре в городе Улясутай. Наиболее крупными предпринимателями в это время здесь были бийские купцы И. П. Котельников, В. А. Гилёв и Г. Г. Бодунов [104, с. 142–143].

Однако это потом, а пока в 1864 году Гилёвы прочно обосновались в посёлке Кош-Агач. Исследователь Горного Алтая С. П. Швецов писал об этом посёлке следующее: «В 1864 году здесь было 10 избушек, служащих только для склада товаров; только у одного бийского купца Гилёва построен жилой дом, в котором есть две комнаты, опрятно убранные» [120, с. 16].

В 1864 году в чуйской торговле наметился определенный кризис: резко упала в городе Ирбите цена на шкурки сурка, которые являлись основным экспортным товаром из Горного Алтая и Монголии; стали проявляться неблагоприятные поступки части наших торговцев; губернатор Г. Г. Лерхе запретил торговлю без заграничных паспортов; китайские пограничники не подпускали к торговле своих купцов и стремились торговать сами. Это, тем не менее, не остановило русских торговцев и заставило их предпринимать дополнительные усилия для развития коммерческой деятельности в этом регионе.

В июне-июле 1869 года на Чую съезжалось около 100 торговцев с каждой стороны. В остальное время русских оставалось 15–20 человек. В 1869 году в Кош-Агаче находятся уже 23 избушки со складскими амбарами. Только по официальным данным, в 1869 году товаров здесь продано на 148 тыс. руб., в том числе на 10 тыс. руб. реализовано «маральных рогов». Реальные объемы торговли были в несколько раз выше [75].

Среди торговцев наиболее заметными являлись следующие лица:

- И. П. Котельников, бийский мещанин;
- братья Василий, Мефодий и Семен Гилёвы из Бийска;
- братья Иван и Борис Ошлыковы, крестьяне из Нижнего Уймона.

Братья Ошлаковы, например, торговали без всяких разрешений на транзитную торговлю, да ещё держали до пяти своих приказчиков без торговых свидетельств. У Гилёвых в этом году в Кош-Агаче практически постоянно жил приказчик Силантий Козлов, бийский мещанин [76]. Помимо сложностей уже названных, русские купцы терпели немалые убытки от прямых разбоев и грабежей, которые участились в 1870-е годы. Во время восстания в 1872 году, например, дунгане разграбили Кобдо. Многие бийские купцы потеряли свои товары, а купец В. А. Гилёв был серьёзно ранен [103, с. 69].

В условиях постоянно растущей конкуренции на этом рынке купцы Гилёвы остро нуждались в хороших помощниках и сумели уговорить бывшего титулярного советника Павла Андреевича Копылова перейти к ним на службу приказчиком. Краевед Б. Х. Кадииков сообщает, что это произошло в 1873 году [84]. Историк А. В. Старцев более осторожно говорит, что А. П. Копылов «вышел в отставку в начале 70-х годов XIX века и поступил на службу к купцам Гилёвым» [98, с. 59].

Для нас сегодня не является принципиальным, в каком точно году это произошло. Гораздо важнее, что образованный купец В. А. Гилёв, обладатель крупнейшей в то время личной библиотеки в городе, сумел найти подход и нужные слова, которые убедили принять П. А. Копылова судьбоносное для него решение. Он, правда, в дальнейшем предпочитал именоваться «бывшим чиновником» или «бывшим титулярным советником», но судьбу свою бесповоротно связал с предпринимательством.

Мы не знаем, на каких условиях В. А. Гилёв принял приказчиком П. А. Копылова в свое дело с братом Мефодием. В то время, по словам историка А. В. Старцева, «наём служащих и приказчиков на работу осуществлялся на основе устного договора, без оформления каких-либо письменных условий или контрактов...» [103, с. 210]. Как правило, такие «договора» предполагали возможность приказчику сверх положенной оплаты зарабатывать на продаже товаров нанимателя, но нести при этом расходы по содержанию лавки. Например, Ф. И. Минин — приказчик бийского купца Г. Г. Бодунова — должен был свой доход зарабатывать на наценке товара, то есть действовать как предприниматель с некоторыми ограничениями [103, с. 58].

«Приказчиков, мало-мальски удовлетворяющих требованиям купцов, — писали М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, — находят с большим трудом, дают им повышенное жалование, содержание их ничем не от-

личается от самих купцов; часто у них общий стол. Иногда приказчики получают и одежду» [11, с. 284]. Доход таких приказчиков полностью зависел от их предприимчивости. Тот же Ф. И. Минин сумел за два года заработать 2,5 тыс. руб. [103, с. 216].

Скорее всего, Павел Андреевич Копылов, с учётом его образования, возраста и опыта работы чиновником, был принят купцами Гилёвыми как «дорогой» приказчик. Забегая вперед, отмечу, что П. А. Копылов отработал у Гилёвых 12 лет. Это очень большой срок. Значит, стороны были довольны условиями сотрудничества.

Практически все приказчики у известных бийских купцов вначале работали и набирались опыта в торговых лавках Кош-Агача, и только потом им доверяли работу уже за границей в городах и хошунах Северо-Западной Монголии. Такой же путь проходил и П. А. Копылов. Наиболее сложным, видимо, был этап привыкания к жизни в пос. Кош-Агач. Для горожанина, даже не обременённого семьёй, освоиться в высокогорной местности с очень суровыми климатическими и сложными бытовыми условиями было настоящим испытанием, которое выдерживал далеко не каждый. В самом лучшем доме Гилёвых, по словам известного путешественника Г. Н. Потанина, обстановку составляли «три некрашенных стола, два табурета, кровать, покрытая тюменским ковриком, потускневшее зеркало, связка белок под столом и железная печь, производимая удушье...» [122, с. 48]. Отсутствие знакомых, однообразие и скудность еды, незнание алтайского, казахского, монгольского и китайского языков только усугубляли ситуацию. Время показало, что Павел Андреевич не только полностью освоился в новой среде своего обитания, но в дальнейшем проводил в Кош-Агаче и разъездах по Горному Алтаю основную часть своей жизни.

Ещё в 1862 году в «Томских губернских ведомостях» была напечатана заметка «Известия из Бийска» следующего содержания: «В настоящее время в одном маленьком Бийске около 60 купеческих капиталов... Бийские купцы вышли из бедности... Некоторые из них по прибытии сюда носили лапти... Главным образом «подпитывает» купцов торговля с инородцами, в особенности с китайскими подданными... Здешний народ вообще весьма любит торговлю и торговые обороты, из-за пустячной выручки готов он предпринимать трудные, дальние и продолжительные поездки...» [113]. Такими являлись купцы Гилёвы. Под стать им оказался и П. А. Копылов. Город Бийск продолжал, благодаря укреплению русско-монгольской торговли, активно развиваться и всё более становился купеческо-мещанским уездным городом (таблица 2).

Сословный состав Бийска в 1878 году [81]

	Мужчин	Женщин
1. Дворян	53	53
— потомственных	3	5
— личных	50	48
2. Почетных граждан	14	17
— потомственных		
— личных	14	17
3. Купцов	200	204
4. Мещан	2451	1941
5. Крестьян государственных	150	153
6. Бывших заводских	270	235

По данным Г. Н. Потанина, в 1877 году в монгольском городе Кобдо наиболее успешными являются купцы Гилёвы, Котельников, Бодуновы, Мальков. Павел Андреевич Копылов, по-видимому, в это время уже успешно разобрался в основах торговли, приобрёл определённые языковые навыки, установил необходимые связи и активно представлял коммерческое дело купцов Гилёвых в Кобдо. Ещё в Кош-Агаче он подружился с талантливым приказчиком купца И. П. Котельникова Алексеем Даниловичем Васенёвым, который в дальнейшем станет его надёжным деловым партнером [13].

Иркутская газета «Сибирь» в 1878 году сообщала, что в Монголии наши купцами «сбывается больше всего сукно, плис, нанка, юфть, медь, железо, съестные припасы и бакалейные товары» [103, с. 141]. Однако с самого начала XIX века, помимо прочих товаров, русские охотники и торговцы успешно продают на границе с Монголией китайским военным, чиновникам и купцам очень интересный товар, который имеет устойчивое хождение во внутреннем Китае, — это «маральи рога», которые теперь называются пантами. Товар этот являлся в значительной степени контрабандным, хотя, например, в 1869 году из 133 тыс. руб. торгового оборота 10 тыс. руб. официально составляли маральи рога [103, с. 141]. Объем продажи пантов постоянно возрастал.

В 1877 году, по данным Г. Н. Потанина, в монгольский город Улясунтай панты вывезли: Котельников — 80 пар; Щетинины — 70 пар; Бодуновы — 76 пар. Ещё больше вывезли пантов Гилёвы и Ошлыковы [97]. Г. Н. Потанин отмечал даже, что из-за монополии торговли пантами Гилёвыми и Ошлыковыми цена на панты «в последнее время значительно упала». Как управляющий купцов Гилёвых в Кош-Агаче, П. А. Копылов не мог не принимать участие в процессе скупки пантов у алтайских охотников и мараловодов для их дальнейшей реализации китайцам. Знал он и о том, что в 1875 году бухтарминский мараловод Шарыпов попытал-

ся самостоятельно реализовать панты без посредников в Монголии, но по дороге в Улясутай грабители отняли у него 60 пар дорогих пантов. Знали об этом случае все мараловоды и не стремились к торговле своим ценным товаром за пределами России. В 1878 году бийские купцы снарядили целый караван с пантами стоимостью 11 380 руб. во главе с купцом Е. Г. Антроповым для продажи их уже в городе Гуй-хуа-чен (Внутренний Китай) и, несмотря на низкий уровень цен в этом году, выручили за товар 21 тыс. руб. [96]. В 1879 году бийчане ещё раз очень удачно реализовали в Гуй-хуа-чене целый караван с пантами и верблюжьей шерстью. Конечно, об этом удачном опыте знал наш Павел Андреевич и делал соответствующие выводы на перспективу.

По российско-китайскому договору в 1881 году стала официально возможна беспошлинная торговля бийских купцов с Северо-Западной Монголией, им разрешили иметь в Монголии недвижимость (дома, лавки, амбары) в местах присутствия российского консульства и право аренды в других местах. В условиях беспошлинной торговли у таможи не было формальных оснований требовать от купцов подробных отчётов об объёмах и стоимости вывозимых товаров. Онгудайская таможня находилась, например, ещё и в 250 верстах от границы. Все, кто хотел, могли её без проблем «объехать» [103, с. 127]. В 1885 году объём экспорта официально оценивался в 820 тыс. руб., а реально — никак не меньше одного миллиона руб. (таблица 3).

Таблица 3

Обороты русско-монгольской торговли в Бийском округе
с 1874 по 1885 годы [103, с. 138].

Год	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885
Объем торговли	287,8	401,1	385,8	380,9	274,7	267,0	360,0	528,6	610,0	700,0	800,0	820,0
Бийский округ, тыс. руб.												

Бийским купцам-чуйцам в этом растущем товарообороте надо было не просто продать свой товар, но ещё и забрать в Монголии товар, выгодный для его реализации в России. Очень хорошо зарабатывали купцы на шкурках сурка, но в начале 1880-х годов цена на них стала резко колебаться. Менее выгодной, но более стабильной была покупка скота на мясо. В 1877 году, например, в Иркутскую губернию бийские торговцы Гилёв, Соколов, Поликарпов, Ошлыков и другие доставили 5450 голов крупного и 8800 голов мелкого рогатого скота [103, с. 144]. Реальные объёмы были гораздо больше. Павел Андреевич Копылов очень хорошо усвоил на

службе у Гилёвых эту двухстороннюю составляющую в меновой торговле, определяющую окончательную выгодность в коммерческой деятельности.

В традиции купцов того времени не было принято брать «в долю» даже самых толковых своих приказчиков. Возросший после договора 1881 года русско-монгольский товарооборот стимулировал процесс отхода торговых служащих от своих хозяев. Историки отмечают, что в этот период от И. П. Котельникова отошли его приказчики А. Д. Васенёв, Н. И. Никифоров, Н. И. Ассанов; от Гилёвых — П. А. Копылов, К. И. Кузнецов, П. И. Еремин, С. П. Роголёв, Г. И. Кузьмин, П. И. Щепкин, П. М. Захаров; от Г. Г. Бодунова — Ф. И. Митин, С. К. Березин, И. Г. Игнатъев, М. Н. Береженцев, П. М. Коршунов, А. Т. Головин и др. [103, с. 143].

Количество фамилий позволяет утверждать, что это был объективный процесс развития, когда у стареющих купцов уже не хватало сил удерживать свой разросшийся бизнес, а заматеревшие приказчики в условиях быстро растущего рынка стремились реализовать себя в самостоятельном деле. Этому способствовало и то, что торговцы Бийска и Бийского округа, как правило, могли начинать свою коммерческую деятельность с более чем скромным капиталом [103, с. 148]. Далеко не у всех это получалось, но наиболее подготовленные, предприимчивые, упорные и удачливые уверенно занимали свои места в купеческом сословии. Забегая вперёд, отмечу, что именно такими успешными предпринимателями в дальнейшем стали Н. И. Ассанов, А. Д. Васенёв, И. Г. Игнатъев, С. К. Березин, С. П. Роголёв, А. Г. Головин и наш герой П. А. Копылов [103, с. 149]. Кстати, после таких кадровых потерь дела у купцов Гилёвых стали ухудшаться. Многие современные бийские предприниматели на собственном опыте узнали, как трудно работать с партнёрами, тем более с родственниками.

В архивы попала история ссоры 25 апреля 1886 года купцов Василия и Мефодия Гилёвых. Дело дошло до полиции [81, с. 201]. После этого Гилёвы разделили свои активы и работали каждый по отдельности.

В заключение этой части рассказа о Павле Андреевиче Копылове необходимо ещё раз отметить, что дал ему почти 12-летний период работы одним из управляющих у купцов Гилёвых. П. А. Копылов сумел не только успешно освоиться в нелёгких условиях жизни в Кош-Агаче и Монголии, но и в какой-то степени полюбить эти суровые края. Не зря в дальнейшем он своим местом пребывания сделал Кош-Агач и много ездил по Горному Алтаю. За эти годы он максимально подготовился к самостоятельной коммерческой деятельности. Разобрался во всех тонкостях международной меновой торговли, определил для себя приоритетные товары и способы их реализации. П. А. Копылов приобрел много знакомых и будущих своих деловых партнеров, связями с которыми дорожил. Должно быть, он умел сочетать дружеские и деловые отношения. Это очень хорошо помогало ему в дальнейшей карьере предпринимателя.

Первые архивные сведения о самостоятельной торговле Павла Андреевича Копылова относятся к 1885 году. В этот год, по официальным данным, он вывез из Монголии в Россию товара на 1710 руб. [54]. Видимо, примерно на такую же сумму он ввез товара в Монголию. Сумма небольшая. Под его имя «старые» купцы могли бы дать гораздо больше товара. А. Д. Васенёву, например, в 1884 году И. П. Котельников сам предложил товара на 4 тыс. руб. Однако осторожный П. А. Копылов, скорее всего, начал дело только на свои небольшие капиталы, заработанные у купцов Гилёвых. Ещё раз подчеркну, что у Павла Андреевича с Алексеем Даниловичем после их выхода в самостоятельное коммерческое плавание деловые и дружеские связи стали только укрепляться. Из 14-летнего смышлёного мальчишки И. П. Котельников за 14 лет вылепил вполне образованного, активного, широко мыслящего молодого предпринимателя А. Д. Васенёва.

Торговлю П. А. Копылов и А. Д. Васенёв развивали по-разному. И жили они по-разному. Павел Андреевич вёл одинокий образ жизни, а Алексей Данилович имел крепкую семью. Их разделяла 17-летняя разница в возрасте, но всё это не мешало им поддерживать постоянные дружеские и деловые отношения.

В 1885 году московская фирма Т. С. Морозова по рекомендации русского консула в Монголии Я. П. Шишмарёва наняла А. Д. Васенёва на три года за 3 тыс. руб. в год руководителем торговой экспедиции в «застенный Китай» с товаром на 70 тыс. руб. [100]. Караван от Бийска через Монголию в 1886 году достиг города Суджоу и далее города Ланчжоу, главного города провинции Ганьсу. Интересно и поучительно, что в этом нелегком торговом мероприятии А. Д. Васенёв поддерживал переписку с П. А. Копыловым. Это настолько необычно и важно для понимания сути их взаимоотношений, что одно письмо я приведу полностью. Некоторые слова в этом письме мне разобрат, к сожалению, не удалось, но общий смысл письма понятен.

Ланчжоу
22 декабря 1887 г.

Ваше Высочородие Милостивый Государь Павел Андреевич.

Почтеннейшее письмо Ваше от 15 октября с/г я имел удовольствие получить, за которое считаю своим приятным долгом выразить Вам мою искреннюю благодарность.

При сем имею честь уведомить Вас: положение наше в Ланчжоу сравнительно улучшилось, в особенности после последовавшего здешнему генер. губернатору по поводу моей жалобы в Пекин. Теперь заметно слабеют те происки и оскорбления, которые сыпались на нас по приезду; так что мне целый месяц пришлось добиваться ... чтобы нанять скольнибудь сносное помещение для торговли. Мало того, в городе я видел

даже публикации, в которых торговцам рекомендовалось не входить с нами в торговые сношения и иным избавляться от нашей торговли.

Лишнее говорить, что всё это известно было властям, которые даже по моему заявлению не поторопились уничтожить оные. Однако впоследствии власти не преминули донести в своём объяснении в Пекин и написать, что ими приняты своевременные меры на ограждение нас от неприятностей и оказать нужное содействие.

Впрочем, всего этого я ожидал. Насколько известно в Китае кажется недопустимым какое новое предприятие без известного рода противодействий китайцев, которые устранить сразу едва ли возможно, но постепенно они должны ослабнуть.

... и теперь ... была бы надежда ... и упрочить сбыт наших товаров в этот край. Судя же по первым опытам нашей торговли здесь, то это едва ли скоро возможно, потому ... рынки провинции Гань-су наполнены иностранными товарами (по преимуществу английскими и американскими) и продаются они против наших недорого, вопреки нашего расчёта, что доставка товаров от портов Китая в этот край с провозом и пошлиной обойдётся недёшево; но выходит наоборот, на наши товары при вьючном сообщении через Монголию падает очень высокая провозная плата. Так от Москвы до г. Ланчжоу ... нам стали б руб. с пуда помимо расхода, который тоже велик, так товару привезено немало на 43 тыс. по фабричным ценам.

Ввиду этого водворить русскую торговлю в этот край очень трудно, понизить цены можно при хорошем сбыте, что даст возможность со временем удешевить и провозную плату. Но на это нужно время и терпение.

Само собой разумеется, первые годы придётся поторговать в убыток, а это конечно не понравится нашим русским предпринимателям.

В настоящее время торговый класс упорно избегает входить в покупку наших товаров и торговля ограничивается только розничной продажей. Может быть и потому что у всех них имеется запас иностранных товаров. И потому ещё, что с нашими товарами они не освоились, да и мы тоже не вполне угадали в выборе привезённых товаров, некоторые оказались неподходящими.

Я посылал в Москву образцы иностранных товаров с обозначением цен, теперь с нетерпением жду отзыва от них из Москвы, то есть найдут ли выгодным приготовить таковые на наших фабриках для здешних рынков. Вредит также нам пропаганда, распространяемая среди чиновников и торгового класса китайцами, торгующими иностранными товарами, что русские приехали вывозить серебро, которое в Китае уже не возвратится и т. д.

Местных произведений для вывоза в Россию здесь нет. Есть ремень, листовой табак, но как первый, так и последний предмет едва

ли может служить важной статьёй вывоза (образцы мною тоже посланы).

Китайцы уверяют, что в Ханьчжоу они продают ревень по 40 лан за 100 гинов. Не знаю, правда ли, да и здешний ли ревень. Здесь за здешний ревень назначают 13 лан за 100 гинов. Чаю здесь за исключением кирпичного зелёного тоже нет, идёт он из провинции Хунань. Ввоз прочих сортов чая в этот край официально запрещён китайским правительством. А так же едва ли нам будет выгодно провозить свои товары на юг. Чем далее наши товары будут стоить дороже и наоборот иностранные дешевле.

Помимо здешней торговли у нас открыта торговля ещё в г. Ганьчжоу, но и там торговля идет также неудовлетворительно, желательна бы ещё часть товаров отправить в г. Сипин, но власти воспротивились этому, не выдают билет, указывая на Сучжинского доотая, а тот, в свою очередь, на здешних властей; так уже даже по этому поводу ничего не мог добиться г. А. С. Вахович, прожив здесь пять дней. Наши же заграничный билет, взятый из Бийска и прописанный только до Сучжоу. Из Сучжоу до Ланчжоу мы приехали с китайским билетом, который здесь вряд ли ... Господин Вахович обещал всё это выяснить в Пекине и послать нам билет. Тем более отправка желательна, что нам ещё из Москвы послан товар, хотя тоже немного 20 тыс.

С совершенным почтением В Ваш адрес, Васенёв [68, л 151–153].

В краевом архиве есть ещё три письма из их переписки 1887–1888 годов. Так, 19 февраля 1888 года А. Д. Васенёв пишет П. А. Копылову, что не может пока найти нужную Павлу Андреевичу книгу, и благодарит его за присланный русско-китайский словарь [69]. В письме из города Ланчжоу 8 июня 1888 года А. Д. Васенёв благодарит П. А. Копылова за присланный словарь и вновь сообщает последнему о сложностях торговли во внутреннем Китае: «Относительно нашей торговли на внутренних рынках Западного Китая я всё-таки ещё не понимаю, почему это мы имеем право ввоза товаров на эти рынки и в то же время не имеем права продавать его, то есть открывать торговых ..., без этих то последних как же производить торговлю. Или трактатом обусловлено только провозить свои товары через Западный Китай до приморских или прочих портов Китая, в предположении вероятно успешнее конкурировать этим путем в иностранной торговле в Китае. В таком случае путь этот представляет, по-моему, всего менее удобства и выгоды к упомянутой цели. Весьма много буду признателен, если Вы найдёте удобным присылать (само собой за мой счёт) какую либо из русских газет. Мне хотя время от времени присылает Я. П. Шишмарёв по несколько номеров, но уж очень долго идут из Урги до Ланчжоу потому посылаются через Хами. Например, номер от сентября и октября 1887 года

получил 4 июня. Напротив, через Пекин письма доходят очень скоро, из Пекина 15 и 18 дней. Путь этот удобный, но пользоваться им часто кажется невозможно. Тут дело касается нашей Миссии и китайской почты. С совершеннейшим почтением, Васенёв» [70, л. 155–156].

В 1888 году эта торговая экспедиция закончилась с убытком в 21 тыс. руб. А. Д. Васенёв и П. А. Копылов, видимо, для себя сделали соответствующие выводы и в дальнейшем уже не стремились торговать за пределами Северо-Западной Монголии.

В архиве хранится список лиц, которым в 1892 году выдали паспорта для торговли за границей. Среди 44 человек вместе с А. Д. Васенёвым, Р. И. Кузнецовым и другими есть и П. А. Копылов. Статус его в этом списке не определён. Он ни мещанин, ни купец, ни служащий. Но уже в 1894 году Павел Андреевич в списке лиц, ведущих с Монголией более-менее значительную торговлю через Онгудайскую таможню, записан купцом 2-й гильдии. Такой же статус у Г. Г. Бодунова, И. Г. Игнатьева, Р. И. Кузнецова. Кстати, в списке отмечено, что в этом году скончался очень известный купец чуйской торговли И. П. Котельников, постоянно проживавший в селе Онгудай и имевший там свой маральник [63].

В 1894–1895 гг. лавка П. А. Копылова в Кош-Агаче дала оборот в 20 тыс. руб. и принесла 2200 руб. прибыли [122, с. 72]. В середине 1890-х годов он пока ничем не выделялся среди основной массы торговцев и последовательно выстраивал свою систему торговли: скупка через свою лавку в Кош-Агаче у охотников и мараловодов пантов и пушнины и реализация их в городе Улясутае (таблица 4).

Таблица 4

Данные о торговом обороте отдельных бийских торговцев с Северо-Западной Монголией в 1895-1896 гг. [56]

Фамилия торговца / Оборот	Привоз в 1895 году, руб.	Вывоз в 1896 году, руб.	Оборот, руб.
1. Васенёв А. Д., купец 2-й гильдии	64 037	45 845	109 883
2. Бодунов Г. Г., купец 2-й гильдии	29 017	19 506	48 524
3. Ассанов Н. И., купец 2-й гильдии	42 134	14 412	56 547
4. Мокин Я. Е., купец 2-й гильдии	155	30 830	30 985
5. Кузнецов Р. И., купец 2-й гильдии		11 342	11 342
6. Копылов П. А., отставной чиновник	1710	15 000	16 710
7. Булгаков Н., мещанин		7205	7205
8. Кричевцев И. А., мещанин		2400	2400
9. Кричевцев В. А., мещанин		2000	2000

Управляющий Кош-Агачским участком Онгудайской таможи 4 июля 1896 года сообщал податному инспектору Бийского участка Томской губернии следующее: «Большой контингент так называемых здесь «чуйских купцов» в данное время составляют «служащие», отошедшие от своих хозяев купцов, начавшие самостоятельную торговлю на сотни руб., а затем развивающие в течение 2–3-х лет свои торговые обороты до тысяч, — хотя надо сказать, что все торгуют не с одинаковым успехом и не всякий год приносит им одинаковый барыш» [55, л. 3–4].

Павел Андреевич Копылов был не из тех, у кого не получалось, но из тех, кто последовательно и размеренно развивал торговлю с опорой на собственный капитал.

В 1897 году в ходе обследования переселенческих поселков на Алтае, и Кош-Агаче в том числе, было отмечено: «Из живущих на Кош-Агаче купцов только Мокин из Раската Нижне-Чарышской волости, да Копылов ведут заграничную торговлю. Торгуют мануфактурными и железными товарами в Монголии, а оттуда вывозят шерсть, сурка и других зверей шкуры, гонят гурты баранов и рогатого скота в Иркутск, покупая его за границей и перегоня китайскими пределами. Копылов же ведёт торговлю специально маральими рогами. В 1897 году он скупил их до 80 пудов, приблизительно на 22 400 руб. по ценам на Алтае. Скупает главным образом в Уймоне и Бухтарме, а также в Чуе и Улагане у охотников.

Остальные торговцы, как Гилёв, Васильев, Афанасьев, Петухов имеют дела с киргизами Чуйской степи, продавая им дешёвый мануфактурный товар, железный, кожевенный, чай, соль, табак, сталь, кремний и прочую мелочь. Взамен получают скотские, конские шкуры, шкурки сурка, белки, козловые разных пород (козёл, каменный баран, дун, кабарга, ирень), шерсть баранью, волос конский. Торговля чисто меновая» [64, л. 32–34]. Таким образом, специализация международной торговли П. А. Копылова пантами стала очевидной.

В феврале 1898 года П. А. Копылов получил на своё имя билет, разрешающий вывоз в Северо-Западную Монголию 20 тюков маральих рогов на сумму 21 тыс. руб. [20]. Одновременно он получил билет на своего доверенного Петра Булгакова и шесть рабочих, которые должны были обеспечить на 40 лошадях и 6 верблюдах перевозку 22 тюков и 1000 голов рогатого скота в Северо-Западную Монголию. Весь товар оценивался в 27 тыс. руб. [20].

Возникает резонный вопрос, как П. А. Копылов организовывал свою деятельность по скупке пантов на Алтае? В какой-то мере помогает нам разобраться в этом информация Е. Ф. Шмурло, обследовавшего в 1898 году путь между Алтайской станцией (Бухтарма) и Кош-Агачем: «Деревня

Берель на правом берегу Бухтармы, на устье реки Белой Берели, основана 23–24 года тому назад заводскими крестьянами Алтайского горного Округа. Главное занятие жителей — разведение маралов; мало найдётся домохозяев, у кого не было бы этого благородного животного. В окрестностях деревни содержатся многочисленные «сады», как называют здесь пригоны, обширные загороди для помещения маралов. Братья Белоусовы занимают в этом отношении первое место среди берельцев. В их маральниках не одна сотня голов, и торговлю ведут они не на один десяток тысяч рублей. Слышится только всюду жалоба на низкие цены. Вот уже второй год, как за фунт маральего рога дают 5-5¹/₂ руб., тогда как раньше за него платили 10 и 11 руб. В 1895 году бийский торговец Копылов, сидя на месте в Урыльском посёлке, купил рогов на 14 тыс. руб., по 5 руб. за фунт. И нынче в мой проезд он тоже был там, установив прошлогоднюю цену. Между тем в Монголии, в Кобдо и Улясутае фунт оплачивается в 9 ланов, то есть 18 руб. на наши деньги. Мелкие владельцы маральников волей неволей должны смотреть, как скупщики кладут себе в карман львиную долю барыша; но Белоусовы решились избежать посредствующих рук и в 1894 году сами повезли 150 пар рогов, приблизительно около 40 пудов, в Чугучак, но сбыта там не нашли; оттуда двинулись в Гучень, но опоздали: ярмарка кончилась и покупатели уже разъехались. Товар пришлось оставить на зиму на хранение, под залог серебра. В 1895 году Белоусовы повезли рога в Улясутай, но здесь встретили препятствия иного рода: конкуренцию в лице других русских купцов» [121, с. 17–18].

В следующем, 1899 году, в списке лиц, которым Бийское уездное полицейское управление выдало заграничные билеты, под номером 120 записан «отставной титулярный советник Павел Андреевич Копылов» с заявкой вывоза маральных рогов на 20 тыс. руб. [60]. Он вывез, по данным Онгудайской таможи, в этом году 81 пуд маральных рогов на 22 720 руб.; 28 пудов юфти на 600 руб. и 5 пудов серебра в слитках на 3850 руб. Видим, что в 27 170 руб. стоимости товара 22 720 руб. (84 %) заняли панты. Ввез он через таможенню в этом году 701 пуд бараньей шерсти на 3508 руб. и 320 пудов кирпичного чая на 3380 руб. [61]. Остальной товар — 1000 голов скота и 1000 баранов на 28 тыс. руб. — он «своим ходом» отправил из Северо-Западной Монголии в Иркутскую губернию [125]. Эту работу по перегону скота он выполнил с помощью П. Н. Булгакова и нескольких рабочих, которых нанимал уже не раз [125]. Таким образом, его торговый оборот с Северо-Западной Монголией в 1889 году составил более 58 тыс. руб.

В марте 1900 года отставной титулярный советник П. А. Копылов в пограничном билете заявил о намерении продать за границу пантов на 20 тыс. руб., но реально вывез маральных рогов на 25 тыс. руб. Бийский

купец Г. Г. Бодунов, будущий партнер Павла Андреевича, например, вывез в этом же году маралых рогов на 15 тыс. руб. [62].

Краевед В. А. Шнайдер на основании архивных данных установил, что доход Павла Андреевича в 1900 году составил 3000 руб., и был ему уже 61 год [122, с. 73]. П. А. Копылов быстро отказался от необходимости приобретения ежегодно купеческого звания. Дело, видимо, даже не в экономии денег. Ему легче было договариваться с продавцами пантов на Алтае, представляясь бывшим чиновником. Так он «лучше воспринимался» крестьянами-мараловодами.

В 1901 году Павел Андреевич заявил и вывез через Онгудайскую таможенно пантов на 25 тыс. руб. [44]. В государственном архиве Алтайского края хранится очень интересный документ-договор [71, л. 191–191 об.]:

Домашнее условие

Город Бийск. Сентября десятого дня тысяча девятьсот первого года.

Мы, нижеподписавшиеся, личный гражданин Михаил Михайлович Березовский с одной стороны, отставной чиновник Павел Андреевич Копылов и Бийский II гильдии купец Алексей Данилович Васенёв с другой — заключили настоящее домашнее условие в нижеследующем:

1. Березовский принял на себя обязанность приказчика Копылова и Васенёва по возложенным нами торговым поручениям за границей (в Китае) для продажи отправленных Копыловым и Васенёвым партии маралых рогов;

2. Принимая сказанную обязанность, я, Березовский, обязуюсь исполнять все поручения Васенёва и Копылова честно и добросовестно, соблюдать везде и во всём интересы Копылова и Васенёва — вверенные мне товары продавать только за наличные деньги, в долг без особого разрешения Копылова и Васенёва никому не отпускать и на их имя не кредитоваться. Записи по торговле и приходу я, Березовский, должен вести в надлежащем порядке и по требованиям Копылова и Васенёва обязуюсь представить полный отчёт, а также вырученные от продажи товаров (рогов) денежные суммы сполна;

3. Все расходы по порученному мне делу как-то: по отправке рогов, найму помещений, разные лично мои путевые расходы и по содержанию должны относиться на счёт Копылова и Васенёва. Потребные же документы на выезд в Китай должны быть выправлены мной, Березовским, за мой счёт;

4. За добросовестное исполнение возложенного на меня торгового поручения, то есть за поездку в Китай и продажу там принятых мной товаров я, Березовский, договорился получить с Копылова и Васенёва

две тысячи пятьсот руб., из которых при подписании сего условия я получил _____ руб.;

5. Срок моей службы определяется именно окончательной распродажей принятых мной товаров в Китае, но не должен продолжаться дольше года. Счета и квитанции товара мной получены;

6. Условие это с «обоих» сторон обязуемся хранить свято и нарушимо. Подлинник за подписью моей иметь Копылову и Васенёву. Копии за подписью Копылова и Васенёва иметь мне, Березовскому. В чём и подписуемся.

Из этого договора очевидно, что П. А. Копылов и А. Д. Васенёв в 1901 году объединяли усилия (или планировали объединить) по реализации пантов в Монголии и при этом делали это в письменной форме. Историк А. В. Старцев отмечает, что для русских торговых предприятий в Монголии письменные договоры составляли большую редкость и стали заключаться на границе XIX–XX веков [103, с. 210]. Заключение письменных договоров являлось крупным шагом в сторону повышения уровня организации торговли бийских купцов.

Сам же характер работы с пантами на рынке Монголии не менялся. Кстати, монголы никогда панты не употребляли. Это был китайский товар. Газета «Сибирская жизнь» в 1902 году, изучив особенности работы с пантами в Онгуде, писала: «Едва ли найдётся ещё какое-либо животное, которое было бы настолько малотребовательное и, вместе с тем, настолько выгодное для разведения, как марал. Снятые с марала рога (спиленные особой пилой) вывариваются, высушиваются и уже в высушенном виде идут в продажу. Стоимость рогов зависит от их веса: один фунт сухих рогов на месте производства стоит от 8 до 9 руб., а на месте их сбыта, в Китае (Кобдо), от 14 и более руб. Пара рогов одного марала от 3 до 12 фунтов, это зависит от возраста его. Таким образом, доход от одного марала колеблется в пределах 25–100 руб. на месте производства, в пределах 42–68 руб. на месте сбыта (Китай). В общем количество сухих маральных рогов, доставляемых в Китай из Горного Алтая и Минусинского уезда, как нам передавали маралопромышленники, достигает 660 пудов ежегодно, из коих половина, 300 пудов, падает на Горный Алтай, что при переводе на звонкую монету, составляет почтенную сумму около 100 тыс. руб. на месте получения рогов и около 170 тыс. руб. на месте сбыта — в Китае (Кобдо и др. места Монголии). Главными скупщиками маральных рогов на месте их добывания — в Горном Алтае — являются отчасти сами мараловоды — Попов (деревня Шебадино), Варвинский (село Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие

меновую торговлю с Монголией. В настоящем году цены на рога стояли в Алтае от 8 до 8 руб. 60 коп. за фунт, какая цена установится в Китае, ещё неизвестно. Местом сбыта рогов являются, как мы уже говорили, г. Кобдо и Лингустай (Улясустай). Расстояние от с. Онгудай до г. Кобдо около 900 верст, а до Лингустая — около 1200 верст. Доставляются рога в Монголию вьючным путём калмыками и монголами, за доставку платят торговцы около 3 руб. с пуда. Общий расход на 1 пуд рогов, считая здесь и пошлину, и содержание ямщиков и хозяина, по свидетельству одного из маралопромышленников, достигает 17 и 20 руб., так что в хороший год на долю скупщика рогов приходится львиная часть в размере 48 руб. и более на 1 пуд. В Монголии рога маралов, привозимые из Сибири, пошлиной не облагаются. Наши купцы обыкновенно за рога получают серебро в слитках. В прошлом году в Монголии цены были такие: за пару рогов весом в 10 китайских фунтов монгольские купцы платили 80 лан (лан равняется 1 руб. 42 коп. на наши деньги при самом низком курсе). Далее, полученное нашими купцами у монгольских серебро сбывается первыми там же в Монголии, так как на китайское серебро у нас очень высокая пошлина, как нам передавали, 120 руб. на пуд. На китайское серебро в Монголии наши купцы покупают чай, шерсть, кожи, скот, на эти продукты у нас пошлина сравнительно с серебром небольшая. Кроме рогов, наши купцы везут в Монголию и мануфактуру, причем цены за 1 аршин какого-либо худенького ситца устанавливаются ими чудовищными — до 1 руб. Таким образом, как это видно даже из всего вышесказанного, наша торговля с Монголией, благодаря маральим рогам, нередко принимает самый безобразный характер полного объегоривания монгола и необычной наживы со стороны нашего купечества» [87].

Таким образом, перепродажа пантов позволяла торговцам получать ежегодно примерно 70 тыс. руб. валового дохода, при этом не менее половины его доставалось вставшим на ноги торговцам-мараловедам (Попову, Варвинскому, Ошлыковым и др.), которые научились торговать этим товаром без посредников. Так что «бийские купцы», в том числе П. А. Копылов, вместе получали от торговли пантами не более 30 тыс. руб. валового дохода. Конкуренция в этом сегменте рынка заметно увеличивалась.

Данных об объемах торговли пантами П. А. Копыловым в 1902 году найти не удалось. Известно только, что в этом году он вывез из Монголии 143 пуда чая на 1824 руб. [50]. Уже в начале XX века «отставной чиновник» П. А. Копылов имел гораздо больше свободных денежных средств, чем мог вложить в покупку пантов. Объемы русско-монгольской торговли в начале XX века продолжали расти (таблица 5).

Обороты русско-монгольской торговли через Кош-Агач
в 1900–1904 гг., тыс. руб. [103, с. 158]

Год	Экспорт	Импорт	Всего
1900	373,4	552,3	925,7
1901	413,8	920,9	1334,7
1902	576,2	1168,4	1744,6
1903	496,4	1188,1	1684,5

В 1901–1902 годах был отремонтирован Чуйский тракт, который из выючной тропы превратился в колёсную дорогу. Доставка товара в Монголию медленно, но улучшалась. Всё это привлекало на рынок торговли в регионе более крупные капиталы. С 1895 года, например, сюда пришла работать фирма тюменского купца 1-й гильдии А. В. Колмакова, который в 1901 году силами своей бийской конторы закупил сырья на 389,5 тыс. руб. при общем объёме импорта в 902 тыс. руб. [103, с. 162]. Появились агенты крупных российских и даже иностранных компаний.

Бийские купцы вынуждены были искать способы сохранения своей доли рынка, в том числе через объединение (концентрацию) капиталов. Я предполагаю, что бийские купцы А. Д. Васенёв и Г. Г. Бодунов как наиболее заинтересованная сторона смогли убедить П. А. Копылова в целесообразности объединения капиталов. А. В. Старцев пишет, что создание ими полного товарищества — торгового дома «Русско-монгольское товарищество» с капиталом 102,6 тыс. руб. — произошло в июле 1904 года [103, с. 225]. Однако в Сибирском торгово-промышленном ежегоднике за 1913 г. годом создания этого товарищества указан 1903 год [101].

В архивных сведениях за 1903 год указано, что через Онгудайскую таможню этот торговый дом уже завёз из Монголии в Россию сырья на 213,3 тыс. руб.: шерсть, пух, конский волос, шкуры пушных зверей и, конечно, чай кирпичный. Следующий по объёмам купец Н. И. Ассанов завёз аналогичного товара на 104 тыс. руб. [48]. За вторую половину этого же года Н. И. Ассанов вывез в Монголию товара на 5149 руб., а торговый дом — на 78 283 руб., в том числе пантов на 7600 руб. [49]. Даже в сравнении с объёмами торговли известного купца Н. И. Ассанова результаты продаж торгового дома в 1903 году выглядели впечатляющими.

В 1904 году дела торгового дома «Русско-монгольское товарищество» успешно развиваются. В первой половине этого года торговый дом ввёз через таможню из Монголии товара на 71 718 руб., в том числе шкур на 36,5 тыс. руб. и чая на 10 тыс. руб. Для сравнения, Н. И. Ассанов за этот же период ввёз товара на 12 620 руб., в том числе баранов на 10,5 тыс. руб. [59]. Вывез торговый дом за этот период в Монголию товара на 32 495 руб.

(41 товарная позиция). У Н. И. Ассанова вывоз товара в Монголию составил на 3582 руб. (21 позиция) [52]. Разница ощутима. И в 1903, и в 1904 годах П. А. Копылов в торговых билетах с собой ничего не указывает, кроме ружья, он теперь ездит «налегке», без вьючных караванов [15].

В этом же году в Бийске создаются товарищество на вере «Электросвет» (18 учредителей) и Общество поощрения рысистого коневодства. Среди 23 учредителей последнего вместе с Е. Д. Морозовой, Н. И. Ассановым, Г. Г. Бодуновым, А. Д. Васенёвым, А. В. Осиповым есть и «бийский купец, титулярный советник П. А. Копылов» [16, л. 2].

В 1905 году Павлу Андреевичу уже 66 лет. Он так же всё основное время проводит в Горном Алтае. Даже билет на право заграничной торговли получает через знакомого бийского мещанина — торговца Петра Никитича Булгакова.

Священник Б. Г. Герасимов, путешествуя в этом году на Рахмановские ключи (Бухтарма), писал об этом крае с развитым мараловодством: «Рога маралов продаются бийским купцам Копылову и Кричевцеву» [77, с. 86]. Вероятнее всего, Павел Андреевич, будучи совладельцем торгового дома, лично продолжал заниматься скупкой пантов у мараловодов Бухтармы в том числе. Обороты торгового дома «Русско-монгольское товарищество» в этом году остаются внушительными, но уровень доходности его заметно ниже среднего (Таблица 6).

Таблица 6

Обороты и прибыли отдельных бийских купцов,
торговавших в Монголии в 1905 году [103, с. 252-253]

Ф.И.О. предприни- мателя или название фирмы	Вывоз в Монголию		Вывоз из Монголии		Всего		
	торговый оборот, руб.	при- быль, руб.	торговый оборот, руб.	при- быль, руб.	торговый оборот, руб.	при- быль, руб.	норма прибы- ли, %
Ассанов Н. И.	45 000	6750	285 000	26 050	330 000	32 800	9,9
Мальцев П. Я.	10 500	1050	14 900	2215	25 400	3265	12,9
Игнатъев И. Г.	80 333	8034	30 000	8250	110 333	16 284	14,8
Осокин А. Е.	-	-	30 000	8500	30 000	8500	28,3
Попов А. С.	-	-	28 250	5765	28 250	5765	20,4
Юрганов В. И.	16 000	1600	22 000	7050	38 000	8650	22,8
«Русско- монгольское товарищество»	83 837	8384	562 290	61 818	646 127	70 202	10,9
Всего по 26 «торговым организациям»	470 520	51 803	1 268 600	176 925	1 739 120	338 728	13,2

В сибирском торгово-промышленном справочнике 1913 года есть такая информация о торговом доме «Русско-монгольское товарищество»: «Дело пошло было прекрасно, но подошла русско-японская война, и служащих товарищества забрали по мобилизации под знамёна весьма экстренным порядком; дела были сданы наспех, переучёта вовремя не пришлось сделать, и предприятие смешалось. Ушёл из товарищества П. А. Копылов, и к 1907 году дело всё распалось» [101, с. 75].

А. В. Старцев добавляет, что свою роль сыграл и донос, поступивший в податную инспекцию от бывшего бухгалтера товарищества А. С. Смирнова, о занижении действительных оборотов и прибылей фирмы [103, с. 227]. Академик И. М. Майский объяснял распад товарищества невежеством и отсутствием коммерческой дальновидности руководителей [103, с. 226]. В действительности причин могло быть ещё больше, в том числе некомфортное состояние того же П. А. Копылова, давно привыкшего решения в торговле принимать единолично и активно участвовать во всех стадиях процесса коммерческой деятельности. Может быть, и поэтому он первым вышел из товарищества и продолжил работать вновь самостоятельно без партнеров.

В списке русских купцов, ввозивших в январе — июле 1907 года товары (шерсть, шкурки сурка, пух, волос, чай, шкуры и др.), есть Н. И. Ассанов, Г. Г. Бодунов, А. Д. Васенёв, Р. И. Кузнецов, Я. Е. Мокин, но нет П. А. Копылова. Он не ввозит товары для Ирбитской ярмарки, но в основном гонит скот из Монголии напрямую в Иркутскую губернию, то есть торгует вновь по своей схеме [53].

В 1907 году Павлу Андреевичу уже 68 лет. У него в Бийске есть где встречать старость, накоплен достаточный капитал для безбедной жизни, но он по-прежнему в Кош-Агаче и занимается коммерцией. Вот как описывает посёлок Кош-Агач в 1907 г. побывавший там исследователь Алтая В. И. Верещагин: «Селение Кош-Агач, состоящее из десятка домиков и хорошенькой церкви, расположено по правому берегу реки Чеган-Бургазы близ впадения ее в Чую. Есть телеграф и отделение таможи. За исключением телеграфиста, таможенного чиновника и священника, жители Кош-Агача исключительно торговцы, ведущие прибыльную торговлю с инородцами и Монголией. Какой процент барыша берётся чуйскими торговцами, показывает следующий факт: ваза, стоящая в Кош-Агаче 3 руб., в Улясутае продается уже за 13 руб. Об этом же красноречиво говорят дворцы чуйцев в Бийске. Впрочем, в последнее время торговля с Монголией падает. С русскими товарами начинают конкурировать товары английского, японского и даже китайского производства. Так, ткань далемба, пользующаяся большим спросом в Монголии, в Кобдо продаётся китайцами по 1 руб. 50 коп. за кусок, а в Бийске кусок далембы стоит

2 руб. 25 коп. Этот товар теперь уже не везут из Сибири в Монголию... В Кош-Агаче можно достать всё необходимое, но всё по очень высоким ценам. Жизнь здесь очень дорога. Я зашёл в главный здешний магазин Игнатьева; красный товар, посуда. Чай, сахар, сапоги, калоши, духи, помада и проч. Оказывается, и духи и помаду покупают инородцы, нередко из-за красивой склянки или коробки. Зайдя в лавку, инородец берёт, как дитя, что ему бросается в глаза, будь то блестящая металлическая пуговица или красивый флакон с духами» [14, с. 39].

В. И. Верещагин отмечает, что в 20–25 верстах от Кош-Агача в сторону пограничного пикета Юстыд у реки Чуя среди хороших покосов разместилась заимка П. А. Копылова. Рядом расположились новые срубы изб для зимовки киргизов. Он обращает внимание, что в некоторых частях Чуйской степи много комаров, особенно по берегу Чуи около зимовки Копылова [14].

Павел Андреевич выбирал место для работы не с позиций комфортности, но для удобства и выгоды ведения бизнеса. Не зря после его смерти в 1911 году у наследника имущества А. П. Копылова главный ветеринарный губернский инспектор постарался выкупить «заимку» П. А. Копылова «для казны под ветеринарный пункт». Из-за бюрократических проволочек договор о продаже имущества и права аренды земельного участка наследник А. П. Копылов и бийский уездный исправник заключили 20 августа 1914 года. Стоимость сделки составила 11 тыс. руб. [18]. Только 23 октября 1914 года ветеринарный врач В. Покровский принял по описи имущество П. А. Копылова в Кош-Агаче.

Чтобы оценить размер «заимки», построенной Павлом Андреевичем не позднее конца 1910 года, приведем описание проданного имущества: «Опись имущества отставного полковника Антона Петровича Копылова, находящегося в Кош-Агаче Бийского уезда, проданного для казны под ветеринарный пункт.

1. Одноэтажный дом деревянный, крытый тёсом, без фундамента в четыре комнаты: две больших и две маленьких с одинарным полом и двумя печами.

2. Деревянная одноэтажная кухня в одну комнату, крытая тёсом, с двумя окнами, находящаяся рядом с домом.

3. Деревянный одноэтажный флигель, крытый тёсом, в две небольшие комнаты, разделённые между собой перегородкой, с двойным полом в нём и двумя печами.

4. Деревянный амбар в два раствора, крытый тёсом, с полом.

5. Деревянный пакгауз, крытый тёсом, с полом.

6. Деревянная лавка с одним раствором, крытая тёсом, с двумя окнами.

7. Большой деревянный навес, крытый тёсом.

8. Две деревянных небольших амбарушки, крытые тёсом.
 9. Деревянная баня, крытая тёсом.
 10. Два пригона из жердей для скота.
 11. Калмыцкая рубленая из леса круглая юрта.
 12. Забор из теса вокруг всех этих строений.
- 23 октября 1914 г.

Ветеринарный врач В. Покровский» [19, с. 124–125].

По логике повествования нам необходимо вернуться немного назад — в 1909 год. В этом году таможня была переведена из Онгудая ближе к границе с Монголией в Кош-Агач. Вывоз пантов по её официальным данным выглядел следующим образом (таблица 7).

Таблица 7

Объемы вывоза пантов русскими торговцами Алтая из России
в 1909 году [57, л. 52 об.]

Ф.И.О. торговца	Объем в пудах	Стоимость в руб.
1. Попов А. С. (Шебалино)	56	22 490
2. Копылов П. А. (Бийск)	16	6588
3. Кудрявцев З. И. (Уймон)	15	5000
4. Казанцев В. Г. (Усть-Кокса)	11	4000
5. Ассанов Н. И. (Бийск)	6	2453
6. Зырянов И. И. (Чечулиха)	4	1360

В этом году Павел Андреевич привёз из Монголии товара только на 20 тыс. руб., в том числе на 7750 руб. вывез серебряных слитков. Объёмы торговли «отставного чиновника» П. А. Копылова стали заметно снижаться. Это понятно — ему исполнилось уже 70 лет [58].

В отчёте Алтайской духовной миссии за 1910 год указано, что церковь в Кош-Агаче, построенная в 1871 году купцами-чуйцами, в 1909 году была перестроена «по плану большему и лучшему отставным чиновником П. А. Копыловым» [95, с 432]. Он первым откликнулся на призыв священника-миссионера В. Токпешева и пожертвовал на реконструкцию церкви сразу 10 тыс. руб. [94].

Ветеринарный врач Яковлев в своём описании мараловодства в Семипалатинской губернии (Бухтарма) в 1910 году отмечал, что скупкой пантов активно занимаются здесь «бийские мещане Копылов, Кричевцев, Ошлагов (Ошлыков — Н. Ф.)» [124, с. 7]. Однако в 1910 году П. А. Копылов не вывез в Монголию ни одного килограмма пантов. Он вывез «прошлогоднее» серебро в слитках на 4550 руб. и ещё немного товара (остатки) на 746 руб. Ввёз же 1639 пудов шерсти на 12 310 руб. и 9 пудов кирпичного чая на 86 руб. [57].

В материалах Московской торговой экспедиции в Монголию, организованной российскими промышленными и коммерческими кругами в 1910 году, есть список русских, торгующих в Северо-Западной Монголии, но П. А. Копылова в нём уже нет. Правда, упоминаются торговцы И. Г. Бобров, В. И. Юрганов, Л. А. Козловский, которые кредитовались у Павла Андреевича. А. О. Бусыгин, например, кредитовался у него до 50 тыс. руб. [91]

В отчёте экспедиции отмечается: «Русские купцы, работающие в Монголии, главным образом Ассанов, Кузнецов, Копылов и Попов, скупают рога у русских крестьян и сдают их китайцам под шерсть будущего года», но это уже относится к недавнему прошлому П. А. Копылова [91, с. 342–344].

За 38 лет пребывания Павла Андреевича в Кош-Агаче посёлок сильно изменился. В списке населённых мест Бийского уезда за 1911 год в Кош-Агаче, родовом управлении 2-й Чуйской волости при реке Чуе, число дворов составляло 21. В них проживало 93 человека, в том числе 41 мужчина. В селении действовала церковь во имя апостолов Петра и Павла, миссионерская школа, почтово-телеграфное отделение, таможня, ветеринарный пункт, резиденция участкового медицинского фельдшера, управление 2-й Чуйской волости, четыре торговых мануфактурных лавки, перегрузка жировых товаров, идущих из Монголии [12].

В развитии Кош-Агача есть немалая заслуга П. А. Копылова. Вот только наличие в поселке участкового медицинского фельдшера не помогло. Возраст и постоянное проживание в тяжелых условиях Кош-Агача, длительные поездки по Горному Алтаю и в Монголию подточили здоровье этого человека, и в начале 1911 года, по данным Б. Х. Кадикова, он по пути из Монголии в Бийск умирает.

Так получилось, что к 1911 году единственным наследником П. А. Копылова стал его племянник Антон Петрович Копылов. С 1898 года у Павла Андреевича по адресу ул. Торговая, д. 98 (ныне ул. Льва Толстого — *Н. Ф.*) в собственности был деревянный дом, флигель и хозяйственные строения общей рыночной стоимостью 600 руб. Для сравнения В. А. Шнайдер сообщает, что каменный двухэтажный дом в Бийске тогда стоил от 2000 до 3500 руб. В документах за 1901 год у него в собственности значился двухэтажный дом с каменной кладовой и амбаром на ул. Александровской. Теперь это место пересечения ул. Красноармейской и пер. Коммунарского. Дом с постройками оценивался в 1000 руб. Ещё один дом находился на углу переулка Шорного (ныне пер. Коммунарский — *Н. Ф.*) и ул. Татарской (ныне ул. В. И. Ленина — *Н. Ф.*).

В 1910 году Павел Андреевич построил деревянный одноэтажный дом с мезонином за рекой на ул. Алтайской [122, с. 73]. Это, видимо, был дом-дача, как у многих состоятельных бийчан в начале XX века.

«Главной резиденцией», по мнению Б. Х. Кадикова, у П. А. Копылова был дом на углу Красноармейской и Коммунарского. Ссылаясь на воспоминания бийчанина К. Н. Борисова, 1890 года рождения, Б. Х. Кадиков рассказывал, что обслуживающий персонал в этом доме состоял только из мужчин. В доме была большая библиотека. Кстати, Борис Хатмиевич писал, что по своим делам Павлу Андреевичу иногда приходилось выезжать далеко за пределы Бийска и даже России. Известно, что он бывал в Берлине, Гамбурге, Париже [83]. Ни архивные материалы, ни характер его торговой деятельности не подтверждают эти слова.

Всего наследнику досталось от П. А. Копылова, по словам Б. Х. Кадикова, разного имущества и денежных средств на сумму 600 тыс. руб. [24]. Однако архивными документами эти огромные размеры наследства также не подтверждаются, хотя из дальнейшего материала станет очевидным, что наследство было не менее 300 тыс. руб., а может быть, и больше.

Полицейский исправник Бийского уезда В. П. Штейнфельд писал в 1910 году: «Бийцы представляют счастливое исключение в истории нашей торговли с азиатскими странами. Они проявляют большую предприимчивость, терпение, настойчивость и выносливость, они завоевали обширный рынок, развили торговый оборот с 500 тыс. руб. в конце 70-х годов до трёх миллионов в настоящее время» [103, с. 235]. Каждое слово из этой цитаты точно подходит к Павлу Андреевичу Копылову (1839–1911). Он был среди лучших в этой обойме «бийчан-чуйцев», хотя и значился всегда «бывшим государственным чиновником». Павел Андреевич 38 лет посвятил торговле с Монголией, не отвлекался на другие проекты, не сорил деньгами, в своём завещании поручил наследнику пожертвовать по его усмотрению «некоторую сумму денег» [39, л. 3]. Он и не предполагал, во что выльется его желание, которое оставит Павла Андреевича Копылова в памяти благодарных бийчан на столетия.

АНТОН ПЕТРОВИЧ КОПЫЛОВ

Так получилось, что в 1911 году после смерти Павла Андреевича Копылова в когда-то большой семье Копыловых (у Павла Андреевича, мы уже знаем, семьи не было) наследником оказался только один человек — Антон Петрович Копылов, единственный сын Петра Андреевича Копылова, старшего брата Павла Андреевича.

О судьбе Антона Петровича написано больше, чем о его дядьке Павле Андреевиче, но и напутано тоже больше. Основу истории жизни А. П. Копылова на основании воспоминаний его дочери в нескольких работах изложил краевед Б. Х. Кадиков [83]. Он первым раскрыл значение этого человека в истории г. Бийска. Однако ученик Б. Х. Кадикова краевед и писатель В. А. Шнайдер отметил заметные нестыковки в рассказах Бориса Хатмиевича [122].

Устранить пробелы в истории жизни помогают архивные материалы, недавно найденные научным сотрудником Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки К. В. Ярославцевым в РГВИА. Новые данные и дополнительные архивные материалы из государственного архива Алтайского края, которые разыскал по моей просьбе сотрудник архива, канд. ист. наук А. В. Зимирев, позволяют значительно уточнить и дополнить историю жизни Антона Петровича Копылова.

Антон Петрович Копылов родился 2 августа 1858 г. Он очень рано потерял мать, а затем и отца. В архивных документах записано, что вначале он окончил Омскую военную прогимназию [99]. Действительно, такая гимназия существовала в Омске с 1867 по 1883 годы. Она была призвана давать образование детям беднейших дворян и заслуженных нижних чинов. Здесь воспитанники готовились для дальнейшего поступления в юнкерские училища, либо (менее успешные) в специальные школы военного ведомства, выпускавшие унтер-офицеров для нестроевых должностей. Срок обучения составлял четыре года.

Прогимназия выпускала своих воспитанников на службу унтер-офицерами, а с 1874 года — с правами вольноопределяющихся 3-го разряда. Вольноопределяющимся в те годы мог стать призывник с определенным уровнем образования, который вправе был выбрать обязательную службу на льготных условиях. В случае с Антоном Петровичем он должен был отслужить 12 лет и при условии сдачи особого экзамена мог претендовать на производство в офицеры по окончании срока службы. Условия для лиц дворянского происхождения являлись более льготными.

В архивных документах сказано, что А. П. Копылов «в службу вступил рядовым на правах вольноопределяющегося по III разряду в 3-й Западно-Сибирский (ныне 12-й Туркестанский) батальон с прикоманди-

рованием к таковому же 1-му Его Императорского высочества Великого князя Владимира Александровича батальону 25 мая 1875 года» [99, л. 8].

Итак, Антон Петрович Копылов военную службу начал в 17 лет рядовым солдатом. Однако уже в сентябре 1876 года по направлению он был принят в Казанское пехотное юнкерское училище. Обучение здесь заняло два года. После его окончания 25 мая 1878 года Антон Петрович был произведен в унтер-офицеры, и в августе этого же года он продолжил обучение в Варшавском пехотном юнкерском училище [99].

Варшавское училище готовило пехотных и казачьих офицеров из нижних чинов. Срок обучения составлял также два года. Окончив училище, А. П. Копылов получил звание портупей-юнкера и был прикомандирован к 36-му резервному пехотному батальону 12 июля 1879 года. По одним данным, этот батальон 1 декабря 1878 года был расформирован и влился в состав 28-го резервного пехотного батальона, который в военное время должен был разворачиваться в пехотный полк. По другим данным, 36-й резервный пехотный батальон сохранил своё название. Мы будем придерживаться последней версии. Так или иначе, но этот батальон остался в Варшаве. Звание портупей-юнкера в царской армии было промежуточным между унтер-офицером и обер-офицером (от прапорщика до капитана). Фактически портупей-юнкеры исполняли обязанности офицеров. Уже через семь месяцев, 12 февраля 1880 года, А. П. Копылова произвели в прапорщики, а 10 апреля 1880 года — в подпоручики. Через два с половиной года, 23 октября 1882 года, он стал поручиком. Затем 11 декабря 1884 года Антон Петрович был назначен исполнять должность батальонного адъютанта [99].

Никакого «блата», как любят теперь говорить, у Антона Петровича никогда не было. Он просто честно исполнял свои воинские обязанности. За отличную и усердную службу 25 февраля 1885 года он был награждён орденом Св. Станислава III степени, а вскоре 21 января 1886 года был произведён в штабс-капитаны.

В первой декаде марта 1889 года его часть переименовали во 2-й Ивановгородский крепостной пехотный батальон. В этом же году 22 мая штабс-капитана А. П. Копылова за отличия в службе наградили орденом Св. Анны III степени. Далее, 22 января 1890 года он был назначен «командующим 1-ой роты» батальона. Наконец, 17 августа 1892 года его произвели в капитаны [99].

В августе 1893 года Антон Петрович закончил семимесячные курсы в офицерской стрелковой школе (г. Ораниенбаум), которые готовили из ротных командиров, имеющих стаж не менее двух лет, будущих командиров батальонов. Видимо, авторитет Антона Петровича среди офицеров батальона был очень высоким, поскольку 5 декабря 1893 года его назначили председателем батальонного суда.

Институт офицерских судов возник в царской армии в 1863 году как способ борьбы за нравственный климат и высокий уровень корпоративных норм поведения российского офицерства. Суть этих требований ёмко выразил П. А. Швейковский: «Являясь хранителями чести, офицеры должны обладать не только общечеловеческой честью, присущей каждому человеку, но и так называемую военно-сословной честью... Офицерское общество составляет одну корпорацию, одну военную семью. Каждый офицер, как член этой корпорации, не может относиться безразлично и произвольно к установившимся в этой корпорации правилам и обычаям и не может оставаться равнодушным, видя попрание этих правил другим её членом» [99, л. 11].

В состав офицерского суда из пяти — семи офицеров не ниже штаб-капитана ежегодно тайным голосованием с очень строгим соблюдением демократических процедур избирались самые достойные офицеры, получившие максимум голосов от своих коллег-офицеров. Председателем такого батальонного офицерского суда и стал А. П. Копылов. Это событие фиксировалось ввиду его важности в послужном списке офицера. В 1896 году, 12 февраля, Антон Петрович вновь был награждён орденом Св. Станислава II степени [99]. В это время ему было только 37 лет от роду.

К этому времени он женат уже семь лет на Вере Георгиевне Кашкилёвой, полячке, принявшей православие. У них родились два сына — Илья и Игорь, которые оба умерли в младенчестве: первый сын Игорь скончался при родах, а второй — Илья — скончался в четыре года от травмы головы (уронила нянька). В 1886 году в семье родилась дочь Валентина (1886–1963), которая впоследствии стала замечательным художником и скульптором [78].

Внучка А. П. Копылова Е. Г. Гнедкова писала о своём деде: «Что я знаю о дедушкиной службе? Он очень любил солдат и очень переживал за них. Ненавидел жестокость, подхалимство и казнокрадство. Говорил, что самым счастливым днем службы для него был день, когда вышел закон об отмене наказаний в армии. Говорил, что самые «мордобойцы» и нечистые на руку были не потомственные военные, а попавшие «из грязи в князи»...» [78, с. 151].

Очередное изменение в службе А. П. Копылова произошло только в 1900 году, когда он с 22 июня по 8 августа исполнял в командировке должность уездного воинского начальника в городе Лукове, городке в восточной части Польши, но затем вернулся к прежним офицерским обязанностям в отдельный батальон.

В архивных документах зафиксировано, что 6 апреля 1902 года А. П. Копылов был назначен «исправляющим должность Блонского уездного воинского начальника» [99, л. 12]. Блонский уезд в то время являлся админи-

стративной единицей Варшавской губернии в составе Российской империи. В уезде проживало более 105 тыс. человек поляков, немцев, евреев. Уездный г. Блонск насчитывал немного более 3 тыс. жителей.

Должность уездного воинского начальника являлась нестроевой штаб-офицерской должностью в местном военном управлении Российской империи. Уездные воинские начальники назначались по особому кандидатскому списку, в который зачислялись штаб-офицеры и капитаны, не менее года командовавшие ротой и выдержавшие особое испытание. В условиях всеобщей воинской обязанности уездный воинский начальник обеспечивал: учёт военнообязанных, в том числе офицеров, врачей, чиновников; призыв на учётные и поверочные сборы; собрание военно-статистических данных; хранение в исправности воинского имущества. В военное время он отвечал за призыв на действительную службу, отправку маршевых команд, наблюдал за эвакуированными больными и ранеными, обеспечивал содержание военнопленных. У воинского начальника был штат подчиненных ему писарей, а также делопроизводители и офицеры, сам же он был ещё комендантом и начальником гарнизона. В Российской империи к 1910 году было 613 уездных воинских начальников.

Антон Петрович прослужил воинским начальником в Блонском уезде пять с небольшим лет. За успехи в службе 1 января 1906 года он получил четвёртый орден — Св. Анны II степени. Через год 26 февраля 1907 года его произвели в подполковники.

К этому времени единственная дочь А. П. Копылова Валентина успела окончить в 1904 году в Варшаве Александринско-Мариинский девичий институт и получила право преподавания освоенных предметов. После этого она продолжила активно развивать свои способности в рисовании.

Всё, казалось бы, в семье А. П. Копылова предопределено, но 13 сентября 1907 года его назначают Бийским уездным воинским начальником в Томской губернии. Что произошло? Случайность, которая была возможна теоретически, или сознательный выбор Антона Петровича? Мне кажется, что это выбор, и вот почему. Польские настроения в отношении Российской империи всегда были однозначны: восприятие России как поработительницы присуще полякам уже на генетическом уровне. После поражения России в русско-японской войне 1905 года эти антирусские настроения среди поляков заметно обострились.

Должность уездного воинского начальника предполагала постоянный тесный контакт с местными органами власти. А. П. Копылову приходилось выполнять свои обязанности в максимально некомфортных, если не сказать враждебных, условиях. С другой стороны, служба его объективно по возрасту подходила к концу, и пора было подумать, где будет жить семья, когда её глава окажется на военной пенсии. Мог ли не знать, на-

пример, Антон Петрович, что его дед, Андрей Васильевич, похоронен в Бийске? Думаю, что образованный офицер знал, где его корни, и сознательно стремился на свою историческую родину в Сибирь.

Что представлял собой в начале XX века Бийский уезд Томской губернии? Для ответа на этот вопрос воспользуемся данными из очерка В. П. Штейнфельда, бийского уездного исправника [123]. По своим размерам (112 тыс. квадратных верст) Бийский уезд превосходил многие страны Европы. Его население в 1909 году составляло 400 тыс. человек:

- православных 346 тыс. человек;
- раскольников 30,5 тыс. человек;
- католиков 160 человек;
- протестантов 35 человек;
- евреев 35 человек;
- магометан 1700 человек;
- идолопоклонников 20,5 тыс. человек [123, с. 33].

В составе уезда было 25 крестьянских волостей и 7 алтайских дючин. Земли уезда являлись кабинетными, то есть принадлежали императорской семье. Население Бийска в 1909 году насчитывало 30 тыс. человек, что в 10 раз превышало население города Блоне.

В. П. Штейнфельд писал: «Бийск является центром всей Алтайской жизни, как в промышленном, так и в культурном отношении» [123, с. 17]. Наконец, город Бийск, по мнению В. П. Штейнфельда, в эти годы являлся «очень важным в стратегическом отношении пунктом» в российско-китайско-монгольской торговле. Кстати, В. П. Штейнфельд в своём очерке перечисляет все ведомства, которые были в Бийске в 1910 году, в том числе Управление Бийского уездного воинского начальника:

- воинский начальник, подполковник Антон Петрович Копылов;
- делопроизводитель, Евгений Кириллович Шне;
- младший офицер, штабс-капитан Константин Михайлович Минервин;
- старший врач местного лазарета, доктор медицины, коллежский советник Игнатий Идельфонсович Мрачковский [123, с. 21].

Работы в таком уезде Антону Петровичу было, что называется, невпроворот. Однако в 1910 году уже упомянутый доктор Мрачковский отмечал в медицинском свидетельстве, выданном А. П. Копылову, что тот «обращался ко мне по поводу болей, бывающих у него в груди в области сердца и переходящих в левое плечо и руку, причем в этой руке появляется чувство онемения... Боль бывает иногда очень сильная... Все эти признаки явно указывают, что у больного существуют приступы грудной жабы (Stenocardia)...» [99, л. 12].

Бийский уездный воинский начальник А. П. Копылов 30 мая 1910 года написал по службе прошение следующего содержания: «Расстроенное здо-

ровые лишает меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества и потому, представляя медицинское свидетельство, всеподданнейше прошу: Дабы повелено было уволить меня от службы с награждением следующим чином, мундиром и полным пенсионом» [99, л. 13].

Дело об увольнении А. П. Копылова было начато 22 июня 1910 года и закончено 11 сентября 1910 года. Ему присвоили звание полковника в отставке и назначили пенсию в размере 1344 руб. в год. А. П. Копылов находился на действительной воинской службе «35 лет и 15 месяцев» [99, л. 13]. Готовясь к отставке, Антон Петрович заранее начал обдумывать и реализовывать вопросы обустройства семьи. Так, в феврале 1910 года он получил разрешение на строительство каменного двухэтажного дома на пересечении ул. Торговой (ныне ул. Льва Толстого — *Н.Ф.*) и Казначейского переуллка (ныне пер. Розы Люксембург — *Н.Ф.*). Здесь же ему разрешили дополнительно построить надворные нежилые помещения, погреб и баню [126].

В июне этого же года подполковнику А. П. Копылову разрешено было построить одноэтажный дом с мезонином и «помещениями для надворной службы» в заречной части Бийска на улице Алтайской [25].

Когда в сентябре 1910 года А. П. Копылов ушёл в отставку, то строительство жилого дома и дачи у него, скорее всего, уже было в самом разгаре. Архивных данных о наличии у Антона Петровича недвижимости до 1910 года обнаружить не удалось.

В 1911 году по дороге из Монголии в Бийск в возрасте примерно 72 лет скончался Павел Андреевич Копылов, и его племянник, Антон Петрович Копылов, в 53 года оказался единственным наследником большого состояния. Архивных данных о размере этого состояния нет. Правда, Б. Х. Кадиков отмечает, что «чистых капиталов в финансовом выражении было у него 600 тыс. руб. По тем временам это была очень крупная сумма» [83, с. 98].

Антон Петрович после оформления наследства неожиданно для него стал одним из самых богатых людей Бийска. Кстати, о «неожиданности» наследства. До сих пор в краеведческой литературе широко распространена версия о том, что Павел Андреевич и Антон Петрович не знали друг друга лично. Это неверная информация. Как они могли не знать друг друга, если с конца 1907 по 1911 год жили в одном городе и были очень известными людьми одного круга общения?

Ещё раньше, в 1895 году, они оба были наследниками имущества родственника И. А. Копылова.

Архивные материалы рушат все мифы, сложившиеся вокруг детективно-романтической истории наследства П. А. Копылова. Антон Петрович стал наследником не только финансовых активов дяди, но и всех его объектов недвижимости.

В 1912 году недвижимость купца 1-й гильдии, одного из богатейших людей города Бийска Н. И. Асанова, например, оценивалась в 7 тыс. руб., а недвижимость отставного полковника А. П. Копылова — в 10 тыс. руб. При этом не учитывалась ещё его недвижимость в Кош-Агаче, которую Антон Петрович смог продать казне только в октябре 1914 года за 11 тыс. руб. [24].

Как поступило бы абсолютное большинство людей, которым вдруг досталось огромное наследство? Я не сомневаюсь, что, распродав в Бийске всю наследственную недвижимость, они со спокойной совестью переехали бы жить в благоустроенную европейскую часть Российской империи (Крым, Москва, Санкт-Петербург и т. п.), забрав с собой доставшиеся капиталы. Однако история показала, что Антон Петрович не относился к людям из этого большинства. Он был не только патриотом страны, но также стремился реально участвовать в улучшении жизни общества не где-то, а в Бийске.

Мне не сразу удалось разобраться в истории дома А. П. Копылова: по архивным документам он должен стоять на пересечении ул. Льва Толстого и пер. Розы Люксембург, а на открытке на этом месте находилась мужская гимназия. Всё встало на свои места, когда в архиве Бийского краеведческого музея я внимательно прочитал письмо 1974 года Е. Г. Гнедковой, внучки Антона Петровича, руководителю фондов музея В. Л. Третьяковой: «Кроме Народного дома и двух домов на ул. Л. Толстого (где школа № 1), он выстроил за рекой ещё дачу, куда мы и приехали (в 1914 г. — *Н. Ф.*), дом в городе был ещё сырой... Левое здание школы № 1 (дом, где сверху мы жили) выстроено в 1914 году (ещё осенью его сушили, а мы продолжали жить на даче). Низ здания первые годы использовался для старших классов мужской гимназии, потом для учительской семинарии...» [9].

Всё встало на свои места: дом А. П. Копылов строил на своём месте, но так как с 1912 года он стал активно заниматься сразу несколькими крупными социальными проектами, то постройку этого дома закончил только в 1914 году и перевез семью на второй этаж в 1915 году. В Бийском краеведческом архиве есть статья журналиста Д. Золотарёва, опубликованная 26 марта 1998 года в еженедельнике «Свой дом». На основании информации Е. Г. Гнедковой, внучки А. П. Копылова, он рассказывает о построенном доме Копыловых следующее: «Он был выстроен в начале 10-х годов приехавшим в город А. Копыловым. Копылов был военным, и Бийск стал очередным местом его назначения, в котором он решил обосноваться надолго. А для начала — построить дом. Изначально предполагалось выстроить максимально комфортное жильё. Поэтому месторасположение дома было выбрано неподалеку от артезианского колодца. Вода из него накачивалась в дом электрическими насосами (заметим, что электричество в то время было большой редкостью) и использовалась,

в том числе, для обогрева. Дом, разумеется, был двухэтажным. На втором этаже было восемь больших комнат. Каждая из них имела свое предназначение. Комната для горничных, комната для гувернанток, разумеется, детская, гостиная, зал, спальня и кабинет. А также кухня, ванная, туалет и несколько больших коридоров. Комнаты были объединены принципами обустройства интерьера. Все стены были обтянуты плотной льняной тканью, покрывавшейся масляной краской. Причём цвет стен нигде не повторялся. Предпочтение отдавалось светлым оттенкам. В детской оттенок был светло-голубым, в столовой — бледно-бежевым, в гостиной — бледно-фисташковым. Зал был светлый, а кабинет — в коричневых тонах. Пол, кроме двух комнат, был деревянным. А в зале и гостиной пол покрывался паркетом, что в то время считалось дорогим удовольствием. Отопление было печным. В доме стояло несколько печей, на растопку шли дрова, но основным горючим был уголь. Печи, так же, как и комнаты, обтягивались материей и сверху красились. Так что их можно было отличить от стен лишь по вычурным завитушкам заслонок... Высокое общественное положение хозяина подтверждалось обстановкой кабинета. Здесь были шкафы для книг, на рабочем столе стояла зелёная лампа. В доме, как и во многих других бийских домах того времени, было много китайских и монгольских вещей. Помимо посуды — коллекция оружия, собрание монет, «восточные курьёзы». Например, перстень, который распадался на шесть частей, и чтобы собрать его, требовалась немалая смекалка. Такой вот прообраз современных головоломок» [80].

К воспоминаниям следует всегда относиться сдержанно, но, во всяком случае, высокая пенсия и ранее сделанные накопления позволяли семье А. П. Копылова иметь богато обставленный «каменный» особняк и дачу в заречной части Бийска. Первый этаж этого особняка имел отдельный вход и сдавался под классы мужской гимназии. Архивные документы подтверждают воспоминания Е. Г. Гнедковой. В списке домовладельцев Бийска А. П. Копылов имел ещё и в заречной части города на улице Алтайской «одноэтажный деревянный дом с надворными постройками» [67, л. 19 об.].

По информации краеведа Е. А. Греховой, после 1917 года многие дачи бийских купцов использовались для летнего отдыха детей из детских домов, которых в Бийске было много. Скорее всего, так же использовалась и бывшая дача Копыловых, а затем в середине 1920-х годов здесь был создан, по словам Е. Г. Гнедковой, тубсанаторий для детей [9]. В настоящее время на месте бывшей дачи расположен частный дом, построенный заново, так как дачу восстановить было невозможно.

По архивным данным, у А. П. Копылова, помимо его дома на ул. Торговой — им. Л.Н. Толстого (так она стала называться после смерти писателя) — с западной стороны был ещё двухэтажный деревянный дом

с двумя флигелями и надворными постройками» [66, л. 34]. На упомянутой уже открытке с изображением дома Копылова (с классами мужской гимназии на первом этаже) отчетливо видна стройка ещё одного большого каменного дома. Это на деньги Антона Петровича и на его участке возводилось здание мужской гимназии, которое закончено и передано городу в 1915 году. Это был ещё один крупный социальный проект, реализованный меценатом А. П. Копыловым по собственной инициативе. Первый этаж дома Антона Петровича после этого заняла в конце 1917 года Учительская семинария, предшественница педагогического училища [8].

В 1918 году в помещениях семинарии размещался штаб колчаковцев. После победы красных войск в конце 1919 года, по воспоминаниям Е. Г. Гнедковой, в здании мужской гимназии (правое крыло современного здания) летом 1920 года размещался тифозный госпиталь, а затем школа им. III Интернационала. В левом крыле (дом Копыловых) сначала размещался педтехникум, а затем школа-семилетка. В самом левом углу на втором этаже до самой смерти А. П. Копылова в 1926 году в двух комнатах жила его семья из пяти человек [9]. Позднее, в 1956 году, оба здания соединили встройкой. Долгое время в этом едином здании располагалась школа № 1. Затем здание пустовало, и только в начале 2000-х годов его купили частные лица, реставрировали и используют теперь как деловой центр «Купеческий двор».

Кстати, 6 февраля 2001 года в ходе ремонтных работ перекрытия бывшей школы № 1 строители нашли коробку с золотыми часами-кулоном фирмы «Мозер». Ещё в коробке были золотые часы, золотой кулон, семь серебряных ложек и казначейские обязательства 1919 года. На ложках есть вензель *В.А.С.* (Валентина Антоновна Сенгалевич, дочь А. П. Копылова — *Н. Ф.*). Половина этого клада сейчас хранится в краеведческом музее г. Бийска [10].

В архивных документах есть информация, что у А. П. Копылова «на Казначейской улице» было ещё два земельных участка, на одном из которых стоял одноэтажный деревянный дом, а на другом — деревянный сарай для коровы [65]. Более того, 11 января 1916 года Антон Петрович купил у бийских купцов Татьяны, Николая и Василия Васильевича Ивановых сразу два участка общей площадью 931 квадратная сажень по пер. Казначейскому [22]. Возможно, он планировал ещё что-то построить для себя или, скорее всего, для города, но смена власти в 1917 году разрушила эти планы.

Город Бийск начала XX века был в основном «деревянным» городом, и проблема пожарной безопасности в нём была одной из самых актуальных. В Российской империи со второй половины XIX века для борьбы с пожарами стали активно создаваться команды и дружины из числа

добровольцев. В поддержку их деятельности создавались добровольные (вольные) пожарные общества.

Было такое Вольно-пожарное общество и в Бийске. Председателем этого общества в 1910 году был уездный исправник Владимир Павлович Штейнфельд, образованный и деятельный человек [123, с. 28]. Общество существовало в основном на членские взносы и добровольные пожертвования и располагалось на месте современной обувной фабрики. Б. Х. Кадиков писал в свое время: «Там, где находится сейчас обувная фабрика, на деньги Копылова было построено здание добровольного пожарного общества... Город горячо благодарил Копылова за строительство этого здания» [83, с. 102]. Внучка Антона Петровича, Е. Г. Гнедкова, уточняла в своих воспоминаниях следующее: «Что касается Добровольного пожарного общества, то единолично он его не строил. Оно, по всей вероятности, было построено на общие вклады богатых людей Бийска. Хотя дедушка, возможно, и внёс львиную долю» [9]. Таким образом, при активном участии А. П. Копылова в период 1914–1917 годов был успешно реализован в интересах города ещё один очень важный социальный проект, связанный с жизнеобеспечением Бийска.

В настоящее время уже невозможно установить все социальные проекты, реализованные Антоном Петровичем на деньги Павла Андреевича Копылова с 1912 по 1917 годы. От Е. Г. Гнедковой мы знаем, например, что А. П. Копылов «в одном из сёл Бийского уезда (село Енисейское — *Н. Ф.*) построил учебно-показательные мастерские для сирот войны (типа ФЗУ)» [9]. Мы с краеведом Е. А. Греховой в июне 2019 года съездили в Енисейское, встретились с директором музея истории села и узнали, что здание училища было деревянным и не сохранилось. Однако дополнительно выяснили, что в 1910 году в Бийске была организована учебно-показательная мастерская по ремонту и обслуживанию сельхозмашин. В 1917 году эту мастерскую перевели в Енисейское. В ней работало 30 учеников и 20 военнопленных. Только в 1918 году этой мастерской было отремонтировано 2500 сельхозмашин и орудий сельского хозяйства. Мастерская и общежитие для учеников и были построены на деньги А. П. Копылова.

По данным Б. Х. Кадикова об Антоне Петровиче, «в 1916 году он выделил 5 тыс. руб. на закупку продовольствия по низким ценам для малоимущих горожан» [84, с. 81]. Более того, Е. Г. Гнедкова вспоминает: «Только деньги дед в подпольную организацию РСДРП передал не в 1917 году, а значительно раньше, точно даты не знаю» [9]. Таким образом, он, в надежде на лучшее будущее своего народа, возможно, финансировал даже тех, кто уничтожил после 1917 года все его мечты и усилия.

Самым крупным проектом А. П. Копылова было строительство в г. Бийске Народного дома. Так называли в дореволюционной России общедо-

ступные культурно-просветительские учреждения. До 1914 года большинство народных домов были государственными, но стали появляться и негосударственные народные дома, построенные и финансируемые частными благотворителями. Из общедоступных источников известно, что народные дома России старались объединить все формы образовательной и досуговой деятельности. Организуя культурный досуг населения, они ставили перед собой задачу развивать внешкольное образование, бороться с неграмотностью, вести лекционную работу. В них размещались библиотека с читальней, театральнo-лекционный зал со сценической площадкой, воскресная школа, вечерние классы для взрослых, хор, чайная, книготорговая лавка. При некоторых народных домах устраивались музеи, где сосредотачивались различного типа наглядные пособия, используемые при чтении лекций в процессе систематических занятий, передвижные и постоянно действующие выставки.

Строительство народного дома в Бийске имеет свою предысторию. Авторы учебного пособия «Бийскоеведение: история Бийска» (2009) отмечали, что во второй половине XIX века народное образование в Бийске развивалось преимущественно благодаря инициативе и пожертвованиям «местных капиталистов». Даже те учебные заведения, которые финансировались из государственного бюджета или городской казны, получали постоянную поддержку от состоятельных горожан, прежде всего предпринимателей [104, с. 187]. Так, первую школу, учреждённую городским обществом Бийска — одноклассное мужское приходское училище — открытую 1 января 1860 года, финансово поддерживал купец 1-й гильдии А. Ф. Морозов. Здание для школы за 3000 руб. построил купец 2-й гильдии П. А. Мальцев [104, с. 182]. Первую школу для девочек (Владимирскую) в 1861 году построил купец В. А. Гилёв и отпускал ежегодно на содержание 100 руб. В 1865 году крупным пожертвованием (3200 руб.) укрепил материальную базу этой школы А. Ф. Морозов [104, с. 182]. В 1877 году приходское мужское училище переехало в новое каменное здание, построенное А. Ф. Морозовым за 12 тыс. руб. В 1904 году Е. Г. Морозова надстроила в этом здании второй этаж.

К 1887 году школьная сеть города насчитывала восемь учебных заведений [104, с. 185]. Ни одна из бийских школ не возникла без участия частных лиц. Например, женская прогимназия своим открытием полностью обязана купцу А. Ф. Морозову, который пожертвовал на её открытие 20 тыс. руб. Поддерживали школу финансово купцы А. В. Соколов, Н. П. Фирсов, В. Н. Поликарпов, И. П. Котельников, В. Н. Бирюков. В течение 18 лет почётным блюстителем Форштадтского мужского приходского училища был бийский купец 2-й гильдии М. С. Сычѳв, построивший в 1882 году для него деревянное на каменном фундаменте зда-

ние под железной крышей. В 1895 году М. С. Сычёв достроил здание и ежегодно выделял крупные суммы на его содержание, в том числе делал ремонт [104, с. 186]. Здание Успенской приходской школы было построено на деньги А. Ф. Морозова, Александро-Невскую школу построил купец Я. А. Сахаров [104, с. 187].

В 1906 году в городе было уже 14 учебных заведений, в 1910 году — 19, в 1917 году — 31 заведение. В начале XX века в Бийске открылись мужская и женская гимназии [104, с. 188].

Мужская средняя гимназия, например, была открыта в 1909 году как частная школа. В мае 1910 года её приняло на своё обеспечение государство. Собственного здания школа не имела. До 1912 года она помещалась в деревянном двухэтажном доме купца А. В. Осипова.

Весной 1912 года директор гимназии Л. В. Малешевский заключил договор с отставным полковником П. А. Копыловым об аренде обширной усадьбы на углу ул. Льва Толстого и пер. Казначейского. По этому договору гимназия получила, кроме помещения, четыре конюшни, четыре сарая и четыре амбара [104, с. 192]. Как на этом месте в 1915 году А. П. Копылов построил каменное двухэтажное здание специально для этой гимназии, я уже рассказал.

С марта 1899 года в Бийске работала общественная организация «Общество попечения о начальном образовании». В 1907 году, когда А. П. Копылов приехал служить в Бийск, общество имело уже 27 почётных, 11 действительных и два непременных члена. До 1908 года председателем общества бессменно была купчиха 1-й гильдии Е. Г. Морозова. Был председателем этого общества и А. П. Копылов [104, с. 196].

Я уже отметил, что первую попытку создания в Бийске публичной библиотеки предпринял в 1877 году дядя А. П. Копылова, окружной казначей Иван Андреевич Копылов.

В 1885 году публичную частную библиотеку открыл предприниматель и просветитель Иван Дмитриевич Ребров. Только в 1889 году библиотека получила первую прибыль в размере 8 руб. [104, с. 204]. В 1894 году И. Д. Ребров закрыл библиотеку, но открыл типографию и книжный магазин. Он предложил городу в дар 8 тыс. книг своего собрания для создания публичной библиотеки, но библиотеку после серьёзной критики открыли только в 1900 году. Первой заведующей стала Виктория Викторовна Прибыткова. В 1909 году число читателей библиотеки превысило 1000 человек, причём 75 % из них пользовались книгами бесплатно [104, с. 208].

В Бийск всё чаще заезжали артисты со спектаклями и концертами. Проводились танцевальные и литературные вечера. При этом в традиции оставались «посиделки», застолья, игра в карты. Особенно торжественно отмечались церковные праздники.

В 1881 году появилось в Бийске Вольно-пожарное общество, в 1888 году — Благотворительное общество, в 1902 году утвердили устав Общества попечения о народном образовании, в 1904 году создали Общество поощрения рысистого коневодства, членом которого был Павел Андреевич Копылов, в 1908 году в Бийске открыли отдел Общества изучения Сибири и ее быта.

Всего в начале XX века в Бийске действовало 19 общественных неполитических организаций [104, с. 221–222]. Наконец, в начале XX века в нашем городе появился кинематограф. Первые кинотеатры назывались «Иллюзион», «Косморам», «Мир».

Таким образом, по мнению авторов книги «Бийскоеведение: история Бийска», «в начале XX столетия общественная и культурная жизнь города становилась всё более разнообразной, и в этой связи остро встал вопрос об организации некоего общекультурного центра. Таким центром в России в рассматриваемый период являлись Народные дома» [104, с. 229].

Уровень общественно-политической жизни в городе Бийске должен был «исторически созреть» для практической реализации подобной задачи. В канун 50-летия отмены крепостного права в Российской империи в ноябре 1910 года вопрос о необходимости строительства Народного дома впервые был рассмотрен на заседании городской думы. Архивные документы сообщают нам: «Городская дума журналом от 3 ноября 1910 года за № 80 постановила в увековечивание знаменательного акта 19 февраля 1861 года в день его 50-летнего юбилея — основать в городе Бийске Народный Дом. Ввиду же неимения у города средств на постройку здания Народного Дома ходатайствовать о выдаче городу для означенной цели от казны ссуды в размере 50 тыс. руб. без уплаты процентов с возвратом таковой городом в течение 25 лет по 2 тыс. руб. в год» [40, л. 5]. Из этого же источника известно, что 19 апреля 1911 года томский губернатор уведомил городскую думу об отказе министра финансов в выдаче запрашиваемой ссуды. Общество попечения о начальном образовании города не смирилось с отказом и продолжило поиск решения задачи строительства Народного дома. Оно попросило официально думу:

— подтвердить готовность города ежегодно выделять 2 тыс. руб. в течение 25 лет на постройку Народного дома;

— создать в городе специальный фонд для строительства Народного дома;

— разрешить «школьному обществу» привлечь благотворителей из частных лиц, которые бы «согласились одолжить на немедленную постройку Народного Дома известные средства в счёт ассигнованных на это городом средств» [33, л. 2].

Не исключено, что у общества уже появились к этому времени предварительные договорённости с кем-то из потенциальных благотворителей. Возможно, что это был А. П. Копылов, если он к этому времени уже стал наследником П. А. Копылова.

Городская дума 7 июня 1911 года решением № 44 постановила:

— информацию томского губернатора от 19 апреля 1911 года принять к сведению;

— ходатайство Общества попечения о начальном образовании принять к сведению [40].

В конце 1912 года председатель общества П. Орнатский обратился к городскому голове Бийска с письмом: «Покорнейше прошу Вас не отказать разрешить перед настоящим заседанием думы доложить господам гласным заседателям о желании одного из жителей Бийска сделать крупное пожертвование на постройку Народного дома и в связи с этим в порядке частного сообщения обсудить вопрос об отводе места для постройки Народного дома и ассигновании ежегодно в продолжение 25 лет по две тысячи руб. согласно ранее состоявшемуся постановлению думы» [33, л. 2].

Далее, 4 декабря 1912 года к городскому голове города Бийска Ф. Ф. Доброходову поступило заявление отставного полковника А. П. Копылова, стиль и содержание которого настолько интересны, что я процитирую его полностью [42, л. 3–3 об., 4–4 об.]:

*Господину Бийскому Городскому Голове
Отставного Полковника
Антоня Петровича Копылова*

Заявление

Покойный дядя мой, Павел Андреевич Копылов, поручил мне пожертвовать на благотворительные, по моему усмотрению, дела некоторую сумму денег.

Городской думой ещё в прошлом году признана была насущная потребность в Народном доме, и было выражено согласие на ассигнование из средств города 50 тысяч руб., если найдётся учреждение или лицо, которое согласится ссудить эту сумму с выплатой городом по две тысячи руб. в год в продолжение 25 лет.

Со своей стороны, находя, что в городе Бийске простой народ часы своего досуга проводит не только бесполезно, но часто и вредно, в целях отвращения народа от пьянства, проведения в среде его посредством чтений, лекций, кинематографов и т. п. здоровых нравственных понятий и основных правил общежития, и представления ему разумных развлечений, я, во исполнение воли покойного, выражаю моё согласие дать городу

беспроцентную, на 25 лет, ссуду на постройку Народного дома; для той же цели я готов внести ещё 50 тысяч руб. как пожертвование. Имеющие поступать ежегодно взносы по уплате ссуды, я также жертвую на содержание Народного дома.

При этом я ставлю следующие условия:

1. Народный дом должен быть имени Павла Копылова.
2. Заведование Народным домом должно быть предоставлено Обществу попечения о начальном образовании в г. Бийске, а в случае закрытия этого общества, какой-либо другой общественной организации, в задачи которой будет входить народное просвещение, по усмотрению городской думы.

3. Я, Антон Петрович Копылов, должен состоять пожизненным членом распорядительного комитета Народного дома.

4. В помещении Народного дома ни при каких условиях не могут быть продаваемы и допускаемы к употреблению спиртные напитки, хотя бы даже пиво, и, напротив, всеми мерами должны быть проводимы идеи трезвости и воздержания; равным образом в Народный дом вовсе не должны допускаться лица в нетрезвом состоянии, а замеченные нетрезвыми уже в помещении немедленно удаляются.

5. Народный дом должен состоять: а) из обширного зала для лекций, народных чтений, театральных представлений и кинематографа; б) из дешёвой столовой и чайной; в) из помещения для городской общественной библиотеки с читальней при ней; г) из помещения для биржи труда. Желательно бы иметь при Народном доме помещение для воскресной школы для взрослых, если таковую нельзя будет поместить в зале.

6. Дешёвая столовая-чайная, читальня и биржа труда должны быть открыты ежедневно, вход в них и пользование читальней, а также народные чтения и лекции — бесплатны. Плата за чай, кушанья, книги, взятые на дом, театральные представления, кинематографы и все увеселения должна быть возможно низкой настолько, чтобы вместе с ежегодным взносом от городской управы покрывался весь расход безостановочного функционирования всех помянутых учреждений и по ремонту дома.

7. Подробная разработка данных для составления плана Народного дома и наблюдения за постройкой его должны быть предоставлены особому комитету, состоящему из меня, А. П. Копылова, трёх лиц по выбору Общества попечения о начальном образовании и трёх лиц по выбору городской думы. На этот же комитет должна быть возложена выработка устава Народного дома и штата его служащих.

Сообщая о вышеизложенном, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, внести моё предложение на обсуждение городской

думы и в случае принятия этого предложения, ходатайствовать об отводе думою достаточно просторного участка земли для постройки названного дома.

4 декабря 1912 г.

А. Копылов.

Вскоре, 14 декабря 1912 года, Бийская городская дума рассмотрела вопрос «О желании полковника в отставке А. П. Копылова сделать пожертвование на постройку в гор. Бийске Народного Дома» и единогласно постановила: «Предложение полковника в отставке Антона Петровича Копылова о пожертвовании на постройку Народного Дома в г. Бийске сто тысяч руб. на всех предложенных г. Копыловым условиях постройки и содержания Народного Дома, с предоставлением ревизионных прав по заведованию Народным Домом Городской Думе принять. Согласно желания г. Копылова, уплата заёмной ссуды в сумме пятьдесят тысяч руб. должна вноситься городом на содержание Народного Дома, начиная с 1914 года по две тысячи руб. в год в течение 25 лет. В особый комитет по составлению плана Народного Дома, наблюдению за постройкой и разработкой Устава Народного Дома и штата служащих, избрать трёх лиц, каковыми оказались избранными по большинству голосов закрытой баллотировки шарами: Ф. Ф. Доброходов, К. Н. Черных, М. А. Притчин, А. П. Кашин» [43, л. 6].

Сам А. П. Копылов возглавил в качестве председателя общественный комитет по строительству Народного дома. Практическая работа продолжилась далее по следующим направлениям одновременно:

- выбор площадки под строительство;
- согласование решения о строительстве с соответствующими структурами томского губернатора;
- создание проекта для строительства Народного дома.

На заседании комитета 14 января 1913 года обсуждался вопрос о месте строительства Народного дома. После тщательного обсуждения члены комитета решили, что лучшим местом является Мальцевская площадь, в глубине которой предлагалось построить само здание Народного дома, а на оставшейся территории разбить городской сад. В обращении в думу Бийска по этому поводу председатель комитета А. П. Копылов написал: «Комитет решил обратиться к Городской думе с ходатайством об уступке Мальцевской площади для постройки Народного дома и устройства при нем общественного сада, присовокупляя, что закрытие канав, планировка площади и разбивка сада будет производиться на счёт средств строительного фонда» [21, л. 7–8]. Дума поддержала это ходатайство, а 9 июля 1913 года решение думы одобрил Томский губернатор.

Никаких следов неурядиц, описанных Б. Х. Кадиковым, вокруг выбора земельного участка и проделок владельца спиртзавода В. М. Рыбакова во время выбора площадки в архивных документах мне обнаружить не удалось [83]. В 1912 году был объявлен открытый конкурс на лучший проект Народного дома, который выиграл известный барнаульский архитектор Иван Феодосиевич Носович. Строительное отделение Томского губернского управления 26 февраля 1914 года одобрило проект И. Ф. Носовича и передало его копию в Бийск для начала строительства. Строительство осуществлял подрядчик П. Е. Плёнкин.

К началу строительства на Мальцевской площади уже были выполнены подготовительные работы и заготовлена часть строительных материалов. Строительство продвигалось успешно, хотя впоследствии А. П. Копылов писал городскому голове Бийска: «По причине неблагоприятного для постройки военного времени, вызвавшего дороговизну рабочих рук, материалов и т. п. на помянутую сумму постройку не удалось закончить в том виде, как предполагалось, но во всяком случае она исполнена в точности по проекту настолько, что здание может служить для предназначенной ему цели...» [35, л. 22]. Были и другие, в том числе внутригородские, проблемы успешного завершения строительства Народного дома им. Павла Копылова. Например, 16 апреля 1916 года А. П. Копылов писал городскому голове следующее: «Постройка Народного Дома в настоящее время приближается к концу, и наступило время заготовлять всё необходимое для обстановки, ввиду чего прошу Вас, Милостивый Государь, исполнить взятое на себя городом обязательство и внести Правлению Общества Попечения о Начальном Образовании, в ведение которого поступит заведование Народным Домом, накопившиеся взносы за время с 1914 года» [34, л. 21].

Речь идёт о долге городской управы в 6000 руб. О том напряжении сил, которое приходилось испытывать не совсем здоровому Антону Петровичу в течение четырёх лет создания Народного дома им. Павла Копылова, остаётся только догадываться. Правление Общества попечения о начальном образовании, председателем которого в это время был А. П. Копылов, на своём заседании 27 июня 1916 г. отметило: «Осмотрев сего числа здание Народного Дома и находя, что хотя отделка Народного Дома и не закончена, но что и в настоящем виде здание это может быть приспособлено для осуществления постановленных жертвователем целей, а также имея ввиду и заявление жертвователя А. П. Копылова, состоящего и Председателем Строительного Комитета, что Строительный Комитет передает здание Народного Дома городу, Правление Общества Попечения о начальном образовании постановило: просить Бийское Городское Общественное Управление передать немедленно здание Народ-

ного Дома в ведение Общества Попечения о начальном образовании в настоящем виде для надлежащего приспособления Народного Дома имени Павла Копылова, открытия и эксплуатация его, по возможности, с осени настоящего года» [36, л. 23].

Вскоре, 14 июля 1916 года, А. П. Копылов вновь обращается с письмом к городскому главе: «Правление Общества Попечения о Начальном Образовании, Председателем которого я имею честь быть, в заседании 27 июня сего года... изъявило своё согласие принять в своё ведение здание для Народного Дома в том виде, в котором оно есть сейчас... ..покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, поручить кому следует принять здание Народного Дома в собственность города и одновременно передать его для полного заведывания и пользования Правлению Общества Попечения о Начальном Образовании в г. Бийске с представлением Городскому Управлению только ревизионных прав. При этом покорнейше прошу Городское Управление ввиду, что при пожертвовании мною капитала для здания Народного Дома были точно определены цели, которым должен служить этот дом и потому всякое обращение его для других потребностей города будет нарушением поставленных мною и принятых городом условий, и заведывающее домом Общество Попечения о Начальном Образовании будет вправе протестовать против этого распоряжения Городского Управления» [41, л. 22–22 об.].

По характеру письма видно, что у Антона Петровича возникли какие-то веские причины напомнить городскому голове о существующих договорённостях по использованию здания по назначению.

В августе 1916 года А. П. Копылов просит Бийскую управу «избрать в ближайшее время представителей от Города для совместной выработки условий перехода Городской библиотеки в означенное помещение», то есть помещение для библиотеки Народного дома в августе было полностью готово [37].

Всю вторую половину лета 1916 года шли работы по оформлению ввода здания Народного дома в эксплуатацию по существовавшим тогда правилам. Так, например, городское управление запросило письмом у А. П. Копылова «письменное заявление Архитектора Носовича о его готовности сдать построенное здание» [38, л. 26]. После этого городская управа приглашала комиссию из Томска для окончательной приёмки здания.

Я счёл необходимым подробно описать все этапы строительства Народного дома, чтобы на этом примере показать, что и тогда, и тем более сейчас меценату недостаточно принять важное решение о жертвовании денежных средств на социальный проект. Надо ещё обдуманно договориться с властью об условиях их использования, самому организовать весь процесс освоения средств и затем ещё долго до-

бываться, чтобы у тебя приняли сделанное. Это тяжёлое испытание, которое не каждому по силам.

Строительство Народного дома, да ещё на частные пожертвования, да ещё в условиях мировой войны, было явлением редким. О проекте в «Сибирском торгово-промышленном ежегоднике» за 1913 год писали: «К числу событий последнего времени, касающихся г. Бийска, нельзя не отметить пожертвования одним из видных представителей торговли с Монголией, ныне покойным П. А. Копыловым, крупного капитала на постройку в г. Бийске Народного Дома, который имеет быть в ведении местного Общества Попечения о начальном образовании» [100, с 63–64].

Строительство ещё было не начато, а уже на всю страну разлетелась искажённая информация. Сомневаюсь, что сам Павел Андреевич смог бы пожертвовать 100 тыс. руб. на подобный проект: не так просто достались ему заработанные деньги. Антон Петрович Копылов как наследник капитала сумел проявить щедрость и с огромными усилиями осуществить строительство Народного дома.

В июле 1916 года в Бийскую городскую управу с письмом обратился городской голова г. Ивано-Вознесенска: «Ивано-Вознесенская Городская Управа имеет честь просить Бийскую Городскую Управу не отказать в высылке копий Положения о Народном доме в Вашем городе, а равно всех инструкций и правил, установленных для Народного Дома» [32, л. 19]. Видим, что интерес был не только к самому факту строительства Народного дома, но и к вопросам организации его работы.

Осенью 1916 года здание Народного дома было готово к эксплуатации и выполнению своего целевого назначения — в качестве городского центра культурной жизни Бийска. В архивных материалах Бийского краеведческого музея им. В. В. Бианки здание характеризуется как «своеобразный образец крупного общественного здания начала XX века в формах эклектики, совмещающего функции театрального сооружения и клуба. Произведение крупного сибирского инженера-строителя И. Ф. Носовича расположено в старой части города, является основной доминантой застройки по ул. Советской и организует перекрёсток двух улиц. Крупный объём здания на цокольном этаже развит вдоль улицы Почтовой и обращён своим главным фасадом в сторону улицы Советской. Угол при пересечении улиц срезан. Рядом расположен лестничный блок с башнеобразной надстройкой с фронтоном и ротондой со шпилем на чешуйчатом куполе. Широкая лестница главного входа вводит посетителей в небольшой вестибюль, из которого людской поток разделяется на три части по лестницам. Широкое пространство фойе связано рядом проёмов со зрительным залом» [9].

Наконец, 23 ноября 1916 года Народный дом в Бийске был торжественно открыт. Чтобы правильно оценить условия, в которых он начал

свою работу, обратимся к тексту поздравительного письма Общества служащих в торгово-промышленных предприятиях г. Бийска по случаю открытия Народного дома лично к А. П. Копылову [9]:

Многоуважаемый Антон Петрович!

Общество служащих в торгово-промышленных предприятиях г. Бийска, как организация, в большинстве своём принадлежащая к той народной массе, для которой Вы ныне воздвигли величественный Народный Дом, переживает теперь с особенной силой счастливые минуты открытия этого Дома. Наш общий Великий Дом, в котором находят себе уют все народы России, охвачен теперь пламенем войны. Пожар далеко от нас, но искры его долетают и до нас, коса смерти уже много месяцев непрестанно сверкает над нашими головами, и жадные щупальцы смерти без усталы выхватывают из наших рядов самых молодых, самых сильных, самых любимых братьев наших. Для нас, служащих, удар военной грозы обрушился с двойной силой: там, на границах России, наши братья на смерть бьются с врагом Родины, а оставшиеся их жены и дети стонут в когтях жадных хищников, нашедших для себя обильную пищу на израненной груди народа.

Трагическая ночь истории для нас, служащих, сугубо темна, и возникновение Народного Дома именно в эти тяжёлые минуты светит для нас среди этой ночи ободряющим добрым огоньком...

Спасибо же Вам, Антон Петрович, за то, что Вы для народа, донныне бездомного, создали кров, под которым раздастся проповедь любви, истины и красоты!

Желаем Вам, чтобы польза, приносимая этим домом, украсила Вашу славную старость! Поздравляем также и нашего собрата, Общество попечения о начальном образовании, в чьё ведение перешёл Народный Дом, желаем ему в полной мере использовать те широкие возможности, которые с созданием Народного Дома открылись для служения родному Народу.

Председатель правления: Ив. Дорошенко.

г. Бийск 1916 года, ноября 23-го дня.

Народный дом стал центром общественной и культурной жизни Бийска, ему было присвоено имя Павла Копылова. Несмотря на бурные события революции и гражданской войны, здесь регулярно проводились театрализованные представления, концерты, выставки, читались лекции. В сезон 1918–1919 годов в Народном доме выступала группа актёров Московского камерного театра во главе с В. В. Гардениным.

В нём разместились не только зрительный зал для спектаклей и концертов, но и общественная библиотека, биржа труда, дешёвые столовая

и чайная, воскресная школа для взрослых. Здесь же помещался городской общественный банк, на создание которого первоначальный капитал — 20 тыс. руб. — также был пожертвован А. П. Копыловым. По его желанию вся прибыль банка, за исключением отчислений в запасной капитал, использовалась только на нужды благотворительности, образования и культуры.

На создании городского общественного банка им. П. А. Копылова остановимся подробнее. Городская дума по заявлению А. П. Копылова 12 февраля 1913 года (постановление № 14) обратилась к Томскому губернатору с ходатайством «об открытии и учреждении» в городе Бийске городского общественного банка. Губернатор 20 декабря 1913 года сообщил городскому голове Ф. Ф. Доброходову следующее: «За Министра Финансов, Товарищ Министра Покровский, уведомил, что им донесено Правительствующему Сенату, для опубликования, об учреждении в городе Бийске, Томской губернии, городского общественного банка на следующих основаниях:

1. Основной капитал банка определяется в двадцать тысяч руб., пожертвованных на этот предмет Павлом Андреевичем Копыловым.

2. Банку присваивается наименование: «Бийский городской общественный Павла Копылова Банк».

3. Во всех своих действиях банк должен руководствоваться правилами Высочайше утверждённого 13 января 1912 года Положения о городских общественных банках.

4. Чистая годовая прибыль банка, за отделением, установленных ст. 164 Положения о городских общественных банках, отчислений в основной и запасный капиталы банка, поступает на пособие наиболее нуждающимся благотворительным и просветительным учреждениям города Бийска, по усмотрению Городской Думы.

Банк может открыть свои действия не ранее как по опубликовании об его учреждении в собрании узаконений и распоряжений Правительства» [27, л. 47].

Далее, 13 января 1914 года, Бийская городская дума рассмотрела вопрос «Об определении содержания членам Правления Бийского Городского Общественного Павла Копылова Банка» и установила директору этого банка жалование 1200 руб. в год, а заместителям — по 900 руб. в год. Тайным голосованием директором избрали А. П. Копылова [28]. Вслед за этим решением 10 февраля 1914 года дума утвердила состав учётно-судного комитета, в состав которого вошли известные бийчане Р. И. Кузнецов, Н. И. Ассанов, А. Д. Васенёв, М. Т. Снигирёв, А. П. Кашин, А. П. Фирсов, А. И. Хакин, В. В. Ракин [30]. Вскоре, 12 марта 1914 года, дума утвердила смету расходов по содержанию банка в 1914 году в размере 7891 руб. [29]. Вначале, с 21 февраля 1914 года, этот банк арендовал

две комнаты в доме по ул. Успенской за 800 руб. в год. Раньше здесь размещался Русско-китайский банк.

Кстати, в 1913 году в Бийске уже действовали отделение Сибирского банка (управляющий Г. А. Горбунов), отделение Русско-Азиатского банка (управляющий В. Г. Кизеветтер), агентство Ярославско-Костромского земельного банка (агент И. В. Дорошенко) [100]. В 1914–1915 годах добавилось Общество взаимного кредита и Городской общественный Павла Копылова банк. Конкуренция на рынке банковских услуг была заметной. Минимальная сумма векселя (кредита) в новом банке была утверждена в размере 25 руб. [26]. Выдача ссуд под заклад драгоценных вещей устанавливалась в размере 50-60 % от стоимости этих вещей. На 1915 год смета расходов по содержанию банка была утверждена в 7495 руб., то есть на 5 % меньше, чем в 1914 году. В 1916 году банк переехал в здание Народного дома и осуществлял свою деятельность до 1918 года, когда власть в Бийске перешла к Совдепу. Народный дом был национализирован, с 1920 года в здании размещался Рабочий дворец, с 1931 года — Дом культуры им. С. М. Кирова, а с 1940 года — драматический театр.

Советская власть национализировала всё имущество Копыловых. Е. Г. Гнедкова, внучка Антона Петровича, вспоминала: «Мой дед имел, как сейчас принято говорить, два «хобби». Он был страстный охотник и страстный садовод. Выйдя в отставку, он решил заняться тем и другим вплотную. Для этого он купил два больших участка с маленькими деревянными домиками на них. Первый был куплен году в 1913 в 7 километрах от Бийска по направлению к селу Катунскому (в конце соснового леса), и там он организовал лисятник, купив черно-бурых производителей. В домике жил сторож» [9].

Затем лисятник был национализирован. В протоколе № 33 заседания уездного отдела народного образования г. Бийска от 3 декабря 1920 года отмечается «необходимость восстановления лисятника Копылова для выводки черно-бурых лисиц», но никакого решения не принято. Затем, видимо, звероферма была восстановлена, и позднее на её основе организовали зверосовхоз «Лесной». В Казанке, недалеко от винзавода, А. П. Копылов в 1916 году купил большой участок с уже посаженными яблонями. «Сначала его тоже национализировали, — вспоминала Е. Г. Гнедкова, — а потом, после назначения деду пенсии, его вернули» [9]. Участок семье удалось продать в 1927 году.

Материалы газеты «Алтай» за 1917–1919 годы позволяют в какой-то степени проанализировать жизнь семьи А. П. Копылова в то непростое время. В газете «Алтай» № 14 за 18 января 1917 года размещено объявление о том, что Антон Петрович продаёт 40 штук лисиц и «кровного каракового жеребца 6 лет» [127]. Значит, его «лисятник» уже вышел

к этому времени на товарное производство. Семья А. П. Копылова в начале 1917 года в полном составе живёт в Бийске на улице имени Л. Н. Толстого в доме 19 (флигель). В газете № 21 за 26 января 1917 года сообщается, что в Народном доме 10 февраля будет устроен благотворительный вечер в пользу детского приюта. На этом вечере художница Копылова-Сенгалевич поставит живую картину «Масляница» [128]. В № 28 за 4 февраля 1917 года есть сообщение, что Копыловы сдают в аренду дом на Казанке (четыре комнаты и кухня) с садом и огородом [129]. Что стало причиной такого решения — нехватка денег или отсутствие времени и сил заниматься этим домом — непонятно. Встречаются объявления, что Копыловы искали то дворника, то кучера, но чаще кухарку и прислугу. В начале 1917 года Антон Петрович активно участвует в делах города. В № 43 от 24 февраля 1917 года газета сообщает, что Общество попечения о начальном образовании поблагодарило Антона Петровича за работу Народного дома, предоставленные ссуды в размере 6000 руб. на оборудование дома и избрало его председателем этого общества [130].

На заседании думы 28 февраля 1917 года директор городского общественного банка имени П. Копылова А.П. Копылов делал доклад о необходимости увеличения уставного капитала банка и повышении вознаграждения его работников. Было решено поддержать предложения [5].

Народный дом имени П. Копылова быстро стал очень популярным, там стремились проводить собрания многочисленные союзы и общества г. Бийска. А. П. Копылов вынужден был дать объявление о необходимости согласования проведения собраний за два дня. Газета «Алтай» постоянно сообщает обо всех пожертвованиях в городе. Так, в № 72 от 2 апреля 1917 года среди жертвователей в пользу детей-сирот есть и Копыловы: А. П. Копылов — 3 руб., В. Г. Копылова — 1 руб., В. А. Сенгалевич — 1 руб. Среди жертвователей также А. П. Фирсов — 25 руб., А. В. Осипов — 25 руб., Н. И. Ассанов — 5 руб., С. Е. Васенёва — 5 руб. и др. [131]. Заметно, что финансовые возможности Копыловых стали уже не те, что раньше.

Можно не сомневаться, что отречение Николая II в марте 1917 года семья Копыловых встретила с большими надеждами. Антон Петрович был противником самодержавия. Образованные Копыловы наивно думали, что революция — это освежающий ветер перемен. Революция оказалась страшным смерчем, губительным для миллионов простых людей.

Однако это потом, а пока Копыловы живут как обычно: в августе 1917 года они активно ищут кухарку и кучера на свою дачу за рекой по улице Алтайской. В газете «Алтай» № 196 от 8 сентября 1917 года читаем, что в сентябре Антон Петрович принимает участие в городском совещании по финансово-экономическому положению в уезде и вместе с другими анализирует опасности заокеанской экспансии в Горном Алтае [132]. 21 ноября

1917 года в Народном доме бийчане отмечали годовщину начала его работы, почтили память П. А. Копылова и «приветствовали жертвователя А. П. Копылова». Хотя он был больше, чем жертвователь (меценат), но и организатор строительства и оснащения Народного дома [4].

С февраля по июнь 1918 года газета «Алтай» не выходит, так как власть в Бийске перешла к Совдепу (Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). К лету этого года власть вновь перешла, но уже в руки Временного Сибирского правительства. После этих событий восстановленная газета о семье Копыловых упоминает эпизодически: с 25 октября 2018 года начались занятия в Бийском обществе народных университетов (дом Клевцова), где В. А. Сенгалевич является одним из преподавателей. Среди жертвователей в пользу Бийского благотворительного общества 20 апреля 1919 года газета упоминает Н. А. Асанова — 25 руб., А. Г. Бодунова — 20 руб., С. Е. Васенёву — 25 руб., И. Д. Горбунова — 20 руб., А. П. Копылова — 5 руб. и др. В мае у А. П. Копылова похитили сундук с письмами. В этом же месяце банк имени П. Копылова пожертвовал 100 руб. в пользу армии.

Последнее информационное сообщение газета сделала в № 148 от 28 августа 1919 года: «В дом Копылова (помещение учительской семинарии) переведено Управление Уполномоченного Командующего войсками Омского военного округа по Бийскому району» [133]. К этому времени Антон Петрович уже давно не получал пенсию отставного полковника, недвижимое имущество в условиях военного времени не приносило ему никаких доходов. Скорее всего, какой-то доход семья имела от работы А. П. Копылова в банке, который только восстанавливал свою деятельность.

Потерю имущества и денег Копыловы встретили хладнокровно, они идеологически к богатству относились равнодушно. Кормились от огорода и коровы. В 1918 году появилась надежда возвращения к старой жизни, связанная с военными успехами адмирала Колчака, но в декабре 1919 года в Бийск вернулись войска Красной Армии. В ночь накануне к Копыловым пришли из штаба белых и предложили вместе ехать в Монголию, но А. П. Копылов сказал, что никуда не поедет, так как народу ничего плохого не делал. Осознание гибельности революции пришло к А. П. Копылову в эти декабрьские дни 1919 года: он впал в депрессию, ничего не ел и говорил о том, что Россия погибла.

Как происходила жизнь Копыловых в эти годы, подробно написала Е. Г. Гнедкова в статье «Родословная и жизнь моего дедушки по матери Копылова» [78]. Она вспоминала, что после депрессии Антон Петрович постепенно стал «оживать», много хозяйничал, всем живо интересовался. Ему назначили пенсию, небольшую, но персональную. В 1925 году «с ним был первый удар». Антон Петрович отлежался, но сильно

ослаб. С осени он не поднимался и 26 февраля 1926 года скончался. Похоронили его на старом Вознесенском кладбище Бийска на семейном Копыловском месте [78].

В апреле 1926 года газета «Звезда Алтая» опубликовала некролог памяти Антона Петровича Копылова, написанный Захаром Яковлевичем Двойных, первым председателем Бийского Совета рабочих депутатов [79]:

Памяти П. П. Копылова

Недавно в Бийске скончался бывший купец П. П. Копылов. Отец П. П. Копылова был чуйцем, вёл большую торговлю, и в наследство своему сыну передал большое богатство; П. П. Копылов не пошёл по стопам своего родителя и все капиталы, награбленные с тёмных монголов, употребил на дело просвещения. Им был построен Народный дом и две школы.

С П. П. Копыловым я познакомился в 1911 году в Бийске, будучи сослан сюда царским правительством. Копылов как-то мне сказал: «Я задумал построить Народный дом и пожертвовать его обществу народного образования». Такое общество тогда в Бийске существовало. И Копылов построил Народный дом, передав его в ведение этого общества. Во время революции П. П. Копылов не вмешивался и не делал тормозов, тех тормозов, которые делали другие купцы, не скрывался от рабочих.

Будучи директором Городского банка, Копылов возродившейся в 1912 году рабочей кооперации в нашем городе «Общая польза» оказывал всегда поддержку и отпускал кредиты на льготных условиях. Наш рабочий кооператив и сейчас имеет свои дома и магазины, приобретённые в 1913 году, за выданный кредит Копыловым.

Вот те хорошие дела, которые сделал гражданин П. П. Копылов. Учитывая все заслуги Копылова, покойному Советское Правительство выдавало пенсию в сумме двадцати пяти рублей в месяц.

Прочитав внимательно некролог, обращаешь внимание, что уже через два месяца после смерти Антона Петровича власти обозвали его Павлом Петровичем, сыном богача-чуйца и т. п. Даже спустя 93 года стыдно читать этот текст.

В 1926 году 4 сентября президиум городского совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов г. Бийска (протокол № 23) рассмотрел вопрос «Ходатайство Копыловой о назначении ей пожизненной пенсии» и принял решение: «В ходатайстве Копыловой о назначении ей пенсии за отсутствием по бюджету средств отказать» [92, л. 13].

ИСТОРИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

По словам историка-краеведа П. С. Коваленко, старое нагорное городское кладбище является «одним из сокровенных исторических мест г. Бийска». Начало действовать оно в далёком 1772 году, и называли его тогда Солдатским. В 1858 году здесь была построена деревянная кладбищенская церковь, а само кладбище стало именоваться Вознесенским. В 1901 году на деньги купца В. Н. Осипова здесь возвели новый деревянный храм. В 1914 году на деньги купца А. В. Осипова у кладбища построили дом для священника, который в начале 1920 года национализировали под городскую метеостанцию, где с 1921 по 1922 год жили братья А. В. и В. В. Бианки с семьями.

В 1929 году газета «Звезда Алтая» (№ 187) в заметке «Русь святая» с насмешкой писала: «Священник кладбищенской церкви, например, ломает могильные памятники (деревянные кресты и ограды), жжёт их в печке и на угляках варит чечевичную похлебку... Кладбищенская церковь разрушена на три четверти» [134]. Газета заключала, что «Русь святая <...> сама себе вырыла могилу. Наша Россия, Россия пролетарская идёт к другой жизни, другой дорогой». Другая дорога выразалась в том, что в конце 1930-х годов кладбищенская церковь и часовня были снесены.

В советское послевоенное время, по данным П. С. Коваленко, с западной стороны Вознесенского кладбища открыли новое — Коммунистическое (!), которое слилось со старым Вознесенским с восточной стороны и Татарским — с западной стороны. В преддверии празднования 50-летия Советской власти на Вознесенском кладбище практически все памятники, поставленные до 1917 года, были сознательно разгромлены: старая ненависть к царскому периоду с годами только росла. Многие бийчане, посещая могилы родных, видели последствия варварского отношения к забытым и разбитым могилам, но не считали это своим делом.

Не интересовался этой темой, к сожалению, и я, будучи в 1980-е годы профессиональным комсомольским и советским работником. Что называется, из песни слово не выкинешь. Бийский горисполком 31 января 1991 года (№ 39) рассмотрел вопрос «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использованию памятников истории и культуры» и установил, что имеется 285 зданий, 28 памятных мест и 15 археологических памятников, но Вознесенскому кладбищу среди этих памятников места не нашлось. Оно даже не упоминалось в материалах при подготовке решения. Кладбищам был посвящён пункт № 9 принятого тогда решения: «Запретить производство строительных дорожных и других видов работ, которые могут создавать угрозу для существования на территории всех кладбищ города, в том числе законсервированных. Поручить спецтресту

(Демченко А. А.) в 1991 году благоустроить территорию старого зареченского кладбища (пер. Соколовский, ул. Кольцова) и кладбища в районе Мочища. Привести и содержать в порядке захоронения лучших людей города. Принять меры по приведению территорий всех кладбищ в соответствующий санитарный и эстетический вид. Плановой комиссии горисполкома (Фролов Н. А.), финотделу (Тинякова Т. Н.) выделить средства на благоустройство кладбищ города в размере 50 тыс. руб.».

Вместе с родителями могилу своих прадедов Пивоваровых навещал с 1980-х годов Павел Коваленко, которого глубоко беспокоила проблема состояния разрушенных памятников и общего запустения на Вознесенском кладбище. Павел Сергеевич первым обнаружил в 1996 году среди зарослей старейшее из сохранившихся захоронений — памятник титулярному советнику Андрею Васильевичу Копылову, умершему 16 марта 1869 года на 72 году жизни. В результате многолетней кропотливой работы П. С. Коваленко вместе с помощниками удалось разобрать более 60 надписей и установить фамилии, имена и отдельные биографические сведения о бийчанах, которые в XIX — начале XX века создавали своим трудом, по словам Павла Сергеевича, «образ известного торгового и православного центра Сибири». Начиная с 2001 года, по инициативе музея истории Алтайской духовной миссии во главе с директором П. С. Коваленко при активном участии членов Казанского православного братства г. Бийска, учителей и учащихся Бийской православной гимназии, преподавателей и студентов Алтайской государственной академии образования, жителей города было организовано более десятка акций по благоустройству центральной исторической части кладбища, одного из немногих старейших кладбищ крупных размеров, сохранившихся до настоящего времени на территории Западной Сибири [85]. На территории Вознесенского кладбища в настоящее время, по данным П. С. Коваленко, ещё пока сохранилось более 160 высокохудожественных надгробных памятников, относящихся к концу XIX — началу XX века.

Постановлением Думы города от 18 августа 2005 года кладбище стало именоваться мемориальным историческим памятником «Бийский Вознесенский некрополь» [93]. Однако через какое-то время это решение Думы г. Бийска было отменено, и Вознесенское кладбище вновь оказалось за чертой памятников культурно-исторического наследия Бийска.

Первое благоустройство могил Копыловых было проведено в 1996 году. Затем в 2011 году по инициативе Бийского драматического театра, Бийского отделения Демидовского фонда, МУП «Память» и неравнодушных к истории города бийчан было выполнено второе благоустройство могил Копыловых, и 21 октября 2011 года состоялось открытие мемориального комплекса на месте захоронения именитых бийских благотворителей

Копыловых. На открытии присутствовали потомки Копыловых из г. Новосибирска [86].

Прошло восемь лет. В конце июля 2019 года мы с женой заехали на старое кладбище посмотреть, в каком состоянии находится восстановленный нами памятник В. Н. и А. М. Осиповым. Пришли и на мемориальное захоронение Копыловых: здесь всё так заросло высокой лебедой, что могил не было видно совсем. Настроение испортилось до предела. Мы решили потратить деньги и усилия, чтобы улучшить оформление могил Копыловых, тем более что заметили некоторые неточности оформления, и не все могилы даже были обозначены. Прояснить эти вопросы удалось лишь в ходе работы над новым исследованием, посвящённым Копыловым.

Вместе с П. С. Коваленко мы посетили кладбище и обдумали, как лучше организовать работы на могильном комплексе Копыловых. Затем я провел все согласования по предстоящей работе с директором МУП «Память» В. В. Кочкаевым. Помочь в новом оформлении мемориального комплекса Копыловых согласился директор предприятия «Пантеон» А. В. Долгих. В середине октября 2019 года мы завершили работы по новому благоустройству могил Копыловых, и на этом можно было бы закончить историю этой знаменитой семьи, но что-то в душе мешает.

П. С. Коваленко пишет, что в начале XX века бийчане любили посещать Вознесенское кладбище: неторопливо читать надписи на надгробиях, рассматривать фотографии, оценивать достоинства памятников из мрамора и гранита и, наверное, думать о скоротечности нашей жизни [85].

На Вознесенском кладбище ещё можно восстановить могилы многих известных людей города Бийска конца XIX — начала XX века, которые заслужили остаться в памяти нынешнего и будущих поколений бийчан. Следовало бы восстановить статус Вознесенского кладбища как культурно-исторического комплекса в нашем городе и продолжить работы по его благоустройству. Настало время «собирать камни».

Список литературы

1. Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Томской губернии (к 10 декабря 1883 г.). — Томск, 1884. — С. 28.
2. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и должностных лиц в Российской империи. — СПб. 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891.
3. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1877 г. Часть II. — С. 315.
4. Алтай. — № 258. — 1917. — 24 ноября.
5. Алтай. — № 48. — 1917. — 2 марта.
6. Андреев С. М. Городовые казаки в Составе Сибирского казачьего войска (1861–1868 гг.) // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Русский вопрос: история и современность». — Омск, 2005.
7. Архивный отдел Администрации г. Бийска, метрическая книга Успенского собора.
8. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. Рукопись Л. А. Мальцева.
9. Бийский краеведческий музей им. В. В. Бианки. Фонд Копыловых.
10. Бийский рабочий. — 2004. — 8 октября.
11. Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. — Томск, 1911. — С. 284.
12. В составе Томской губернии. — Горно-Алтайск, 2004. — С. 489.
13. Васенёв Алексей Данилович // Сибирский торгово-промышленный справочник. — 1913. — С. 73–74.
14. Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии (путевые заметки) // Алтайский сборник. — Т. IX. — Барнаул, 1908.
15. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 247. Л. 89, 91.
16. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 512. Л. 2, 2 об.
17. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 57. Л. 57, 57 об.
18. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 629. Л. 126.
19. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 629. Л. 124, 125.
20. ГААК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 85. Л. 63–64.
21. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–8.
22. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 143. Л. 17, 18.
23. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 274. Л. 33, 35, 39, 39 об.
24. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299. Л. 55 об., 59.
25. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 304. Л. 10.
26. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 45. Л. 175.
27. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 45. Л. 47.
28. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 45. Л. 48 об.
29. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 45. Л. 87 об.
30. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 45. Л. 74, 74 об.
31. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 473. Л. 94.
32. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 19.
33. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.
34. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

35. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 22.
36. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.
37. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 24.
38. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 26.
39. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
40. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.
41. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 22, 22 об.
42. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 3, 3 об, 4, 4 об.
43. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 87. Л. 6, 6 об.
44. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 35.
45. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 126 об.
46. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 44. Л. 63 об.–64 об.
47. ГААК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 60. Л. 13 об.
48. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 13, 15.
49. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 16, 16 об.
50. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 111. Л. 2, 2 об.
51. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 12.
52. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 124. Л. 4, 8 об, 9.
53. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 154. Л. 56–58 об.
54. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–5 об.
55. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4.
56. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–8 об.
57. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201. Л. 52 об.
58. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 201. Л. 84 об.
59. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 234. Л. 2, 3.
60. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 46 об.
61. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 18.
62. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 59. Л. 63, 64, 66.
63. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 9. Л. 36, 36 об.
64. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2457. Л. 32–34.
65. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 29 об.
66. ГААК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.
67. ГААК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 об.
68. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 151–153.
69. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 153 об.–154.
70. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 155, 155 об., 156.
71. ГААК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 191–191 об.
72. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 298. Л. 15.
73. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 628. Л. 13.
74. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 628. Л. 17.
75. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 11.
76. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1127. Л. 115–140.
77. Герасимов В. И. Поездка из Семипалатинска на Рахмановские ключи священника Бориса Герасимова. — Усть-Каменогорск, 2011. — С. 86.
78. Гнедкова (Сенгалевич) Е. Г. Родословная и жизнь моего дедушки по матери Копылова Антона Петровича // Бийский вестник, 2011. — № 4. — С. 150–151.

79. Звезда Алтая. — № 78. — 1926. — 26 апреля.
80. Золотарев Д. Е. Алтайский дом начала века // Свой дом. Еженедельник. — 1998. — 26 марта.
81. Исупов С. Ю. Крепость Бийская есть главная. — Барнаул, 2009.
82. Кадиков Б. Х. Бийские меценаты Копыловы // Краеведческий вестник БКМ им. В.В. Бианки. — Бийск, 1997. — № 5. — С. 33.
83. Кадиков Б. Х. Копыловы Павел Андреевич и Антон Петрович // Выдающиеся люди Бийска. — Бийск, 2014. С. 97–98, 102.
84. Кадиков Б. Х. Хочу рассказать. — Бийск, 2012. — С. 81.
85. Коваленко П. С. Купцы Осиповы: церковные старосты Вознесенского кладбища в г. Бийске // Дом бийских купцов Осиповых: от лавки до музея. — Бийск, 2018. — С. 44–46.
86. Коваленко П. С. Православная летопись г. Бийска (1709–2015). — Бийск, 2016. — С. 378.
87. Мараловодство в Горном Алтае // Сибирская жизнь. — № 204. — 1902. — 19 сентября.
88. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1828. — С. 329.
89. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1829. — С. 348.
90. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828 г. Часть вторая. — В Санкт-Петербурге: при Императорской Академии Наук, 1830. — С. 256.
91. Московская торговая экспедиция в Монголию. — М., 1912. — С. 272, 342–344, 347, 350.
92. Муниципальный архив г. Бийска. Ф.Р-144. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
93. Об утверждении свода памятников архитектуры и истории г. Бийска. Решение Думы г. Бийска № 262 от 18.08.2005 г.
94. Отчет Алтайской духовной миссии за 1909 год // Томские епархиальные ведомости. — 1910. — № 16. — С. 661.
95. Отчет Алтайской духовной миссии за 1910 год // Томские епархиальные ведомости. — 1911. — № 8–9. — С. 432.
96. Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. — М., 1951. — С. 93.
97. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — Вып. I. — СПб., 1881. — С. 83–84.
98. Предприниматели Алтая (1861–1917). — Барнаул, 1996.
99. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 27425 (п/сп 320–983). Л. 7–13.
100. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — 1913. — С. 63–64.
101. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — 1913. — С. 75.
102. Солоневич И. Л. Диктатура импотентов (социализм, его пророчества и их реализация). — Буэнос-Айрес, 1949.
103. Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX — начало XX веков). — Барнаул, 2003.
104. Старцев А. В., Исупов С. Ю., Фролова Е. Б. Бийсковедение: история Бийска. Учебное пособие. — Бийск, 2009. — С. 113.

105. Томские губернские ведомости. — № 01. — 1867. — 6 января. — С. 1.
106. Томские губернские ведомости. — № 04. — 1866. — 28 января. — С. 2.
107. Томские губернские ведомости. — № 05. — 1863. — 1 февраля. — С. 55.
108. Томские губернские ведомости. — № 05. — 1867. — 3 февраля. — С. 1.
109. Томские губернские ведомости. — № 18. — 1862. — 15 мая. — С. 263.
110. Томские губернские ведомости. — № 25. — 1866. — 1 июля. — С. 1.
111. Томские губернские ведомости. — № 29. — 1895. — 27 июля. — С. 2.
112. Томские губернские ведомости. — № 35. — 1860. — 2 сентября. — С. 423.
113. Томские губернские ведомости. — № 36. — 1862. — 14 сентября.
114. Томские губернские ведомости. — № 37. — 1871. — 18 сентября. — С. 1.
115. Томские губернские ведомости. — № 41. — 1864. — 16 октября. — С. 701.
116. Томские губернские ведомости. — № 43. — 1872. — 28 октября. — С. 4.
117. Томские губернские ведомости. — № 46. — 1866. — 25 ноября. — С. 2.
118. Томские губернские ведомости. — № 49. — 1866. — 16 декабря. — С. 1.
119. Томские губернские ведомости. — № 50. — 1868. — 20 декабря. — С. 1.
120. Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. — Барнаул, 1898. — С. 16.
121. Шмурло Е. Ф. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Записки Западно-Сибирского ИРГО. — Книга XXIII. — Омск, 1898. — С. 17–18.
122. Шнайдер В. А. Копыловы // Дворики старого Бийска. — Барнаул, 2009. — С. 71–72.
123. Штейнфельд В. П. Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. — 1910. — Бийск, 1911.
124. Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской губернии. — Омск, 1911. — С. 7.
125. ГААК Ф. 170. Оп. 1. Д. 85. Л. 57–57 об.
126. ГААК Ф. 174. Оп. 1. Д. 304. Л. 24об, 39 об.
127. Алтай. — № 14. — 1917. — 18 января.
128. Алтай. — № 21. — 1917. — 26 января.
129. Алтай. — № 28. — 1917. — 4 февраля.
130. Алтай. — № 43. — 1917. — 24 февраля.
131. Алтай. — № 72. — 1917. — 2 апреля.
132. Алтай. — № 196. — 1917. — 8 сентября.
133. Алтай. — № 148. — 1919. — 28 августа.
134. Звезда Алтая. — № 187. — 1929.
135. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 298. Л. 80.

Содержание

От автора.....	3
Семья Копыловых.....	4
Павел Андреевич Копылов.....	12
Антон Петрович Копылов.....	36
История продолжается.....	61
Список литературы.....	64

Н. А. Фролов

Дело Копыловых

Редактор
М. С. Михайлова

Подготовка оригинал-макета
А. А. Карпов

Подписано в печать 23.01.2020.
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 3.91. Тираж 100 экз. Заказ № 9.

ООО «Ренд»,
656064, г. Барнаул, ул. Бабуркина, 12–108.

Фрагмент плана Бийска, 1886 г.

- Дом П. А. Копылова (не сохранился)
- Дом купцов Гилёвых

Она 40 лет. 1894. г. № 334

- 37. 36-

Списокъ

смеръ, вѣдущій въ Митрополію въ томъ числѣ
нѣе значительную торговую часть Сургутовъ
свою Тамбовскую.

Иванъ, вѣдущій и сраиній	Званіе	Митрополіи- мѣстѣ.
Иванъ Петровъ Котляшниковъ (наимъ уаисрній)	Врѣменно Сурговъ 2 ^я ку- ртіе купецъ.	Тамбовской Митрополіи Сурговъ
Григорій Григорьевъ Зосимовъ	Сурговъ 2 ^я куртіе купецъ	Т. Тамбовск
Тона Григорьевъ Уманцевъ	Сурговъ 2 ^я куртіе купецъ	Т. Тамбовск
Давыдовъ Иванъ Кузнецовъ	Сурговъ 2 ^я куртіе -	Т. Тамбовск
Александръ Евграфовъ Мокунъ	Моршанскій деп. Тамбовск по вѣдомствѣ Сурговъ 2 ^я куртіе	Т. Тамбовск
Александръ Андреевъ Копыловъ	Сурговъ 2 ^я куртіе -	Т. Тамбовск
Семеновъ Уманцевъ Мухомовъ	Сурговъ 2 ^я куртіе -	Митрополіи Сурговъ

W 61.

89

Politijske Korigace Holynjskije Ingaobine

Handwritten scribbles and the word "Korigace" written vertically.

Omanovsaka Kuruzna Stola
eluzjedna Konica
Krasna

Prigovoreti nje suz moe noe
popunye kuzenij lakti² amogoi
la gannarom dolend la 102² u lipogye
enogye poltrane gannaransa
mudie acim noreporime yacim
Stokvici noe kuzvabime dlegand
enid ad dand² no mopolom
oklene od noga dandayz elia
notio la gannarom dolend ad o
gannom mud. Krasna dand² no
dand² ad dand² nolymy, gubye
Krasna dand² amoy Krasna
mury Krasna. Dand² 30 puz
1904. 100. Krasna Krasna
Omanovsaki Krasna.

Для Монголии.

№ 326

63 246

№ 184

БИЛЕТЪ

Русскій подданный *Навехъ Копонтовъ* — съ — — — — —

при немъ люди, открываются для торговли со *Сибирью*
Забайкальскаго Монголія сражающъ на годъ
со товарами: *медальонны рожки на 20000 рублинъ*
заключающаея со *Сибирью*
и — — — — — и — — — — —

Твою ради власти Китайской Имперіи благоволивъ,
состоитъ существующимъ между обими Государствами Договорами, чинимъ *ему*
Копонтову свободный пропускъ и покровительство.

Во свидѣтельство чего данъ сей билетъ оны *Машекаго*

Губернатора, съ приложеніемъ настоящей печати. *Губернаторъ*
М. Васильевъ 18 96 года. *Булгай, вышедъ на Монгольскій лезвонъ*
10 МЕСЯЦІИ ГИТЕРБАГОУЪ *Киньратъ Виллисоній*

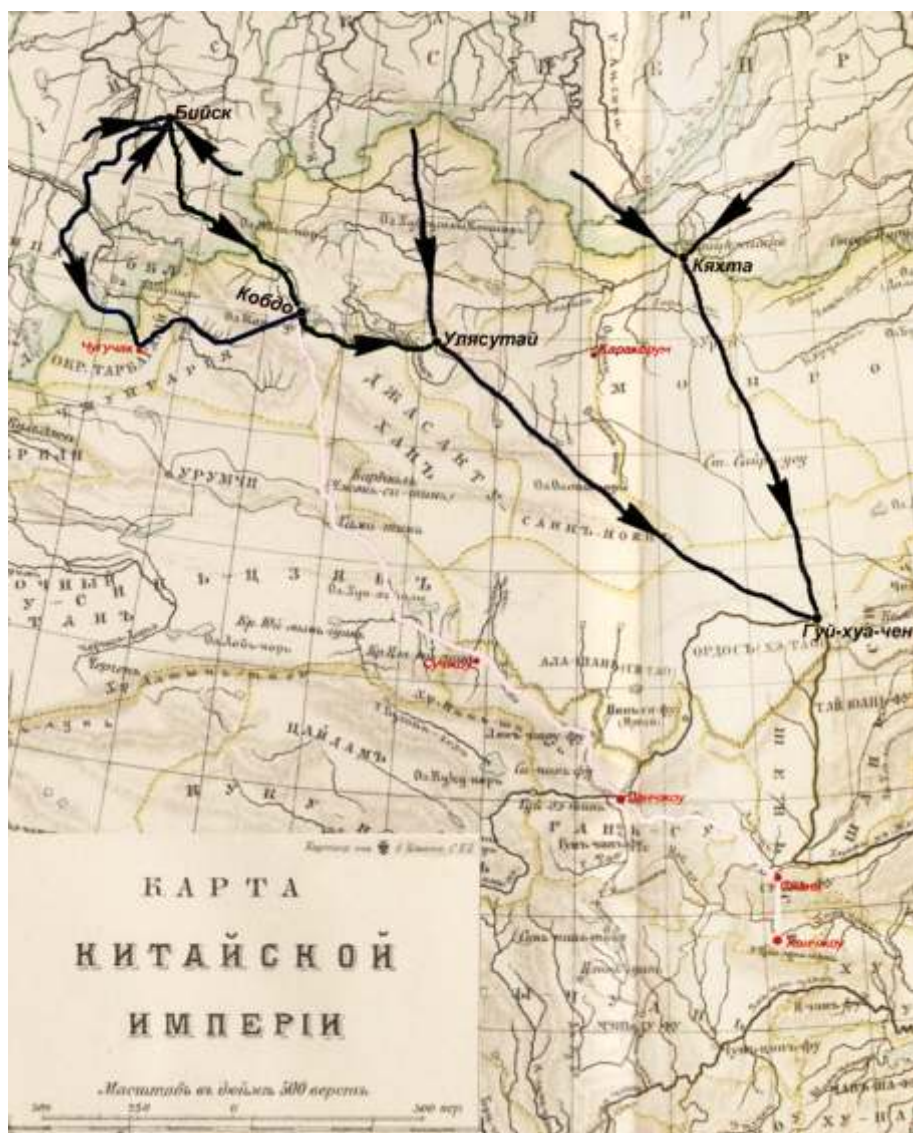

Выдана изъ Правды для сухопутной торговли, заключенныхъ въ Договору, заключенному 12-го
мая 1881 года.

Чл. 2. Русскіе подданные, открывающіеся для торговли въ Монголію и въ округъ, акціоніи въ
Сибирь и нижнему теченію Тана-цзана, могутъ перевозить границу только въ извѣстныхъ пунктахъ,
нечисляемыхъ въ списокъ, приложенный къ настоящему Правды.
Они должны быть снабжены билетами отъ русскаго консулата, на русскіе и китайскіе
языки, съ монгольскими или татарскими переводами. Въ китайскомъ переводѣ этихъ билетовъ, какъ
и китайскіе переводы, какъ и переводы татарскіе, языкъ татарскій и число знаковъ и начертанъ счета,
можетъ быть объяснены въ монгольскомъ или въ татарскомъ.
Билеты должны входить въ Монголію, при вступленіи въ китайскіе пункты, на границѣхъ въ
пунктахъ китайскомъ округѣ, тѣхъ, по предѣлахъ, назначенныхъ закономъ, и не могутъ выходить
за предѣлы ихъ.
Китайскіе власти имѣютъ право задерживать арестомъ, перевозившихъ границу безъ билетовъ, и
препятствовать имъ въ дальнейшую русскую сухопутную торговлю или въ дальнейшую посылку,
или странное вывозимъ ихъ.
Въ случаѣ утери билета, обладатель его обязанъ заявить объ этомъ какъ ближайшему русскому
консулу, для получения копіи нова, такъ и китайскому консулату, для получения провозимаго или
дальнейшаго свидѣнія.
Товары, вывозимые въ Монголію и Пратайкинскіе округъ и тѣхъ распространяемые, могутъ
быть отправлены въ городъ Тана-цзанъ и Су-цзю (Ца-нѣ-туинъ), для продажи тамъ или впрямую окупить
тамъ, въ Китай.
Синодальныя оубра вывозимы съ этихъ товаровъ, выданы билетомъ на провозъ оныхъ и провозъ
таможенныя формальности должны исполняться по предѣламъ, означеннымъ выше (т. е. въ ст. 3,
4, 5, 6 и 7 Правды).

Надпись выдана: *Навехъ Копонтовъ*

Пути русских торговцев, занимающихся торговлей маральими рогами в конце XIX — начале XX вв.

Алтай

Чуйский тракт.

Антон Петрович Копылов

Пока строился дом Копыловых в 1914-1915 гг. на ул. Л. Толстого (нижнее фото), семья жила в Заречье на даче(верхнее фото)

№ 101

Иркутская Городская Управа
4 Декабря 1912 г.
№ - 3889

4

Господному Вице-мэру Городскому Толбу

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Васильеву Степану Степанову
на Печерской Катковской

Задуманіе

= Стоявший годъ мой, Фаддѣ Андреевнѣ Копыловѣ нарушилъ мнѣ по договору на десятилетнюю аренду на моему землемольству, дѣлаю по договору своему делю.

Городская Дума еще в прошлый разъ пригласила меня нарушилъ предложение в народномъ делю и не исполнило соглаше по арендованію и я средствъ народа не исполнилъ еще еще фудель, сего наобещаннаго арендованію мнѣ, которое соглаше средствъ дѣл одному отъ выдѣленнаго народнаго по дѣл мнѣ моему фудель в разѣ в издѣленіи

Л

М. В. Д.

ЧЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ
ТОМСКАГО
Губернскаго Управленія.

Дѣлопроизводство.

12-го дня 1914 г.

г. Томскъ.
№ 1040.-

Війскому Городскому Головъ.-

3-е Отдѣленіе Губернскаго Управленія сообщаетъ, что постановленіе Городской Думы отъ 14 Декабря 1913 года за № 70|101 о займѣ у Копылова 50000 рублей утверждено г. Начальникомъ губерніи, въ порядкѣ 78 ст. Гор. Пол. -

С о вѣ т н и к ъ *М. М.*

Вр. и. д. Дѣлопроизводителя *Косица*

Въ Бійську Городскую Управу.

Handwritten red mark

Комитетъ по постройкѣ зданія для Народнаго Дома имени Павла Копылова въ засѣданіи своемъ 25-го Іюня с.г. выяснилъ, что пожертвованные на постройку Народнаго Дома А.П.Копыловымъ сто тысячъ рублей съ нарастающими процентами и другими поступлениями въ настоящее время израсходованы и въ израсходованіи ихъ имѣются оправдательные документы

Считая свою задачу законченою, Комитетъ просить Городскую Управу зданіе Народнаго Дома принять.

Документы по постройкѣ и отчетъ волеждъ за сѣмъ будутъ Комитетомъ представлены.-

Г.Бійскъ, Іюля 1916 года

Председатель Комитета

Handwritten signature of the Chairman

Члены: { *Handwritten list of committee members*

Секретарь

Handwritten signature of the Secretary

В настоящее время бывший дом Копыловых (верхнее фото) реконструирован и находится в частной собственности. В бывшем Народном Доме располагается Бийский драматический театр (нижнее фото).
Фото Н. Фролова. 2019 г.

БІЙСКИЙ
Городской Общественный
Копылова Банкъ

№ 71

Г. Бійскъ Октября 24 дня 1914 г.

Въ Бійскую Городскую У ч г а в у .

Имелествие Государи!

Настоящимъ имѣемъ честь просить Васъ поставить на повѣстку очереднаго собранія Городской Думы слѣдующіе вопросы:

1/ Объ избраніи 3^х членовъ Учетно-Ссуднаго Комитета вмѣстѣ не утвержденныхъ К а ш и н а, Я а к и н а, и отказавшагося В а с е н е в а .

2/ Объ измѣненіи времени занятій, опредѣливъ его съ 9ч. до 2ч. дня, какъ во всѣхъ частныхъ Банкахъ

3/ Объ измѣненіи постановленія Городской Думы отъ 17 Апрѣля с/г. Ввиду того, что примѣчаніе 2-е къ §119 положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, Думѣ предоставляется право устанавливать наименьшій и наибольшій размѣръ ссудъ, вообще подъ закладъ драгоценныхъ вещей, а не въ ~~с~~ отношеніи къ спѣнкѣ закладываемыхъ вещей.

О превѣденіи вышеупомянутыхъ вопросовъ просимъ насъ увѣдомать.

Съ совершеннымъ почтеніемъ,
Бійскій Городской Общественный

Копылова Банкъ
Директоръ Банка *А. П. Копыловъ*

Товарищъ Директора Банка *В. С. Копыловъ*

Бухгалтеръ *Ф. Буценкинъ*

Основной вклад сделал А. П. Копылов в строительство
вольного пожарного общества в г. Бийске.
Теперь здесь находится Бийская обувная фабрика. Фото Н. Фролова

В таком виде находилось мемориальное захоронение
Копыловых летом 2019 г. Фото Н. Фролова

Отреставрированное мемориальное захоронение Копыловых
на Воскресенском кладбище, октябрь 2019 г.